ИРИНА ШАНИНА
ДЕВЯТЫЙ ГОД ЧЕРНОЙ ЛУНЫ
Прометей

Ирина Всеволодовна Шанина
Девятый год черной луны

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20610196
Девятый год черной луны: Прометей; Москва; 2016
ISBN 978-5-9908018-2-0

Аннотация

Вы уверены, что хорошо знаете себя? Точно знаете, как вы поведете себя в необычной ситуации? Кто вы? Герой, спасающий мир, или злодей, мир уничтожающий?

Каждый девятый год на нашу жизнь влияет Черная луна. Она указывает самый низкий путь, по которому человек рискует пойти, однако никто не может заставить человека идти именно по этому, низшему, пути.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава I	10
Глава II	29
Глава III	30
Глава IV	40
Глава V	56
Глава VI	65
Глава VII	73
Глава VIII	80
Глава IX	95
Глава X	103
Глава XI	125
Глава XII	141
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Ирина Всеволодовна Шанина

Девятый год черной луны

Выражаю благодарность моей дочери Аглае, подсказавшей нетрадиционный поворот сюжета

© И. В. Шанина, 2016.
© Издательство «Прометей», 2016.

* * *

Вместо предисловия

Некоторое время назад я решила заказать себе персональный гороскоп, так называемую «натальную карту». Порекомендовали мне практикующего астролога, работающего на рынке оккультных услуг более 11 лет. Я списалась с ней, потом созвонилась и договорилась о встрече. В процессе телефонного разговора выяснилось, что для составления персонального гороскопа недостаточно указать год, месяц и день своего рождения. Требуется также знать точное время и место.

С местом все было очевидно: родилась я в Москве, в родильном доме имени Грауэрмана. Насчет времени пришлось звонить маме, которая время назвала, подчеркнув при этом, что специально посмотрела на часы, когда весь этот кошмар, именуемый родами, наконец, закончился. Кроме того, нужно было назвать значимые события в твоей жизни. Браки, разводы, рождение детей, болезни, переезды и все-все-все, что ты считаешь важным. Здесь точность до секунды не требовалась, достаточно было назвать год.

Через три дня пришло письмо, в котором астролог сообщала, что мой персональный гороскоп составлен, и я могу подъехать в любое удобное время.

Астролог оказалась милой женщиной средних лет. Ничего таинственного, указывающего на связь со звездами, в ее

внешности не было. Одета она была тоже вполне обыденно – никаких остроконечных шляп или черных мантий, украшенных знаками Зодиака. В квартире не наблюдалось оккультных символов или карт звездного неба. Бородатый мужчина, выглянувший из кухни, был представлен как муж, меланхоличный подросток мужеского пола в наушниках оказался сыном, единственным более-менее «магическим» существом можно было посчитать кота. Правда, он был не черный, а приятного серого цвета.

После того, как «магическое» животное обнюхало мои туфли, астролог пригласила меня в гостиную. Пощелкав клавишами, она открыла файл с моим персональным гороскопом. Это был не текст, как я ожидала, а непонятные круги, разделенные на сектора и густо испещренные многочисленными цифрами и значками. Круги перечеркивались черными и красными линиями, соединяющими отдельные точки.

– Что это? – удивилась я, поскольку рассчитывала на обстоятельный рассказ в духе тех гороскопов, что печатаются практически в каждом издании – «в наступающем году тельцам рекомендуется заняться устройством личной жизни…».

– Это ваш гороскоп, – охотно объяснила астролог, – и, знаете что, Ирина, вот что удивительно. Я в вашем гороскопе вижу развод, но не вижу брака.

Я согласилась, что это на самом деле удивительно, ведь так быть не может. Если есть развод, то должен быть и брак.

– Будем искать по асцедентам, – обнадежила меня астро-

лог.

Я плохо себе представляла, что это такое, но было любопытно узнать, куда же подевались более чем десять лет моего брака.

Прошло полтора часа, я записала несколько важных дат. Между восьмым и пятнадцатым декабря попятный Меркурий покидал какой-то дом, и поэтому мне должны были привалить нехилые деньги (сразу скажу, – в указанный период деньги подошли, что совершенно меня не удивило и, боюсь, никак не было связано с попятным Меркурием, – десятого у нас на работе платят зарплату). Кроме денег звезды обещали, что к весне разрешится сама собой ситуация с очередной книгой, а также произойдут серьезные изменения на работе. Наконец, астролог, проделав очередные манипуляции, радостно воскликнула:

– Есть! Есть ваш брак, Ирина… Видите, – она ткнула пальцем в изображение полумесяца, – вот он, ваш брак. Просто он был заключен на Черной луне.

Судя по интонации, астролог только что сообщила мне нечто важное, но мне это ни о чем не говорило, поэтому я продолжала сидеть с безмятежным выражением лица.

Астролог слегка обиделась и повторила:

– Ирина, ваш брак был заключен на Черной луне!

Я догадалась, что надо проявить интерес.

– И что? – спросила я. – Что это означает?

Астролог пощелкала мышкой, при этом линии на моем

гороскопе немного изменили конфигурацию, но одна из них продолжала упираться в изображение черного полумесяца. Немного смутившись, астролог пояснила:

– Люди, занимающиеся астрологией, верят, что мы живем не один раз.

– Вы хотите сказать… – начала я.

Астролог энергично кивнула:

– Да, да, вы совершенно правильно поняли, – она еще немного пощелкала мышкой, – ваш брак – отработка грехов за прошлые жизни.

Я прикинула свой немалый, но, к счастью, оставшийся в прошлом, брачный стаж, и уточнила:

– Простите, но я очень уж долго отрабатывала. Некоторые за убийство, совершенное не в прошлой, а в этой жизни, сидят гораздо меньше. Что же такого я могла натворить, что отрабатывать пришлось так долго и тяжело?

Она ответила. Скажу честно, я ей не поверила, и даже переспросила. Она опять произнесла то же самое. На всякий случай, чтобы не было ошибки, я уточнила:

– Я не употребляю алкоголь, не курю, не ем мяса, занимаюсь спортом, не имею вредных привычек… Вы уверены, что вы говорите обо мне?

Она подтвердила, что уверена. Я ушла, сильно озадаченная своим, как оказалось, совсем небезупречным прошлым.

Перед самым моим уходом, астролог предупредила, что я ни в коем случае не должна кое-что делать. Потому что

это «кое-что» у меня должно отлично получиться, но в этом случае моя «карма» станет еще тяжелее.

По дороге домой я размышляла о запрете. И так уж устроен человек, если раньше я не помышляла о такого рода деятельности, то теперь мне смертельно захотелось узнать, а что будет, если я все же начну этим заниматься.

В суеверия и сглазы я никогда не верила (кстати, это я астрологу тоже сообщила, а она, в свою очередь, объяснила, что лежит в основе моего неверия), но сейчас мне почему-то было страшновато.

Я-то не верю, но много людей верят. Я попыталась выкинуть мысль о запрете из головы. С таким же успехом можно «не думать о белой обезьяне».

Поздно вечером, перечитав кучу статей на интересующую теперь меня тему, я придумала, как осуществить желаемое, не сильно повредив при этом собственной «карме». Часы на моем мобильнике показывали 00.00, когда я напечатала первую строчку новой книги.

Глава I

Будильник настойчиво играл мелодию из фильма «Семейка Адамс», но просыпаться совершенно не хотелось. Я свесила руку и пошарила по полу. Цель моих поисков – мобильный телефон, запрограммированный будить меня на работу ровно в семь утра, подло спрятался под бумажной салфеткой. Пришлось разлепить глаза, сесть, отыскать его и выключить.

Впрочем, я сама виновата, надо было еще вчера озаботиться отключением будильника, ведь на работу мне сегодня идти не нужно, и еще не будет нужно целых три недели. Впервые за полтора года я взяла нормальный отпуск.

Я вновь залезла под одеяло и закрыла глаза. Три недели, целых три недели, – красота!!! А еще вчера у меня был день рождения. Вчера мне исполнилось тридцать шесть. По современным меркам, – примерно половина жизни, время подведения первых итогов и первого кризиса среднего возраста.

Вчера за столом мы как раз этим и занимались, – подвели некоторые итоги, а также бурно обсудили факты, которые вполне могли стать причиной кризиса.

Безусловным плюсом все мои подруги считали, что год назад я, наконец, поставила точку в своем двенадцатилетнем браке. Из каждых пяти тостов в трех говорилось о том, какая я молодец, что сделала это, а в двух – выражалось удивление,

почему я так долго этого не делала.

Ответить на этот вопрос я не могла, потому что не знала ответа. Впрочем, ответа вчера от меня никто не требовал. Зато все наперебой желали мне здоровья, успехов в труде и счастья в личной жизни. Последней подняла бокал моя лучшая подруга Ксения.

– Дорогая наша Ира, – торжественно начала она, – мы все очень тебя любим. Но лично я хочу пожелать, чтобы ты нашла свое призвание. Я уверена, ты еще не раскрыла свой потенциал.

Народ ее не понял. Она многих раздражает, потому что все время находится в «поисках себя». К сожалению, за «поиски себя» деньги не платят, поэтому Ксения перебивается случайными заработками. До недавнего времени ее финансовые дела были совсем неважные, но неожиданно на нее свалилось наследство в виде двухкомнатной квартиры в центре Москвы. Ксения, вступив в право наследования, заняла денег, отремонтировала квартиру и очень удачно сдала ее через агентство. После раздачи долгов, она уволилась со своей тогдашней работы и полностью ушла в «поиски себя», благо, стабильный ежемесячный доход теперь был гарантирован.

За это время она попробовала себя в нескольких видах деятельности, последовательно окончив курсы бухгалтеров, косметологов-массажистов и, наконец, живописи. Последние курсы обещали, что через семьдесят два часа занятий вы станете художником. Ксения честно отучилась оплачен-

ные часы, приобрела мольберт, подрамник, несколько кисточек разного размера и невероятное количество краски. Тут как раз наступило лето, и она стала выезжать «на этюды». В результате появилось несколько пугающих полотен, нарисованных в стиле «примитивизм». Очень скоро созданных шедевров скопилось так много, что их просто некуда было девать. Ксения задумалась, не отказать ли жильцам, а освободившуюся квартиру превратить в мастерскую. К счастью, разум возобладал над эмоциями. Квартира приносила доход, а вот картины пока не очень. От части «шедевров» удалось избавиться, раздарив их друзьям. Мне достался жутковатого вида натюрморт «Водка, селедка, ананас».

– Она будет чудесно смотреться на твоей кухне, – отчаянно убеждала меня Ксения.

Я не была в этом так уверена, но обижать подругу не хотелось, поэтому пришлось испортить стену над кухонным столом двумя гвоздиками. Большую часть времени художественное полотно «Водка, селедка, ананас» хранилось в шкафу, а перед визитом Ксении торжественно доставалось и вешалось на стену.

Воодушевленная видом своих творений на моей и еще нескольких кухнях, Ксенька решила, что для превращения хобби в реальный заработок ей не хватает самой малости – «нужных знакомств». А вот как только таковые появятся, картины немедленно начнут продаваться.

Сказано – сделано, очень скоро она завела знакомства на

вернисаже, и три летних месяца тусовалась там с бородатыми, небрежно одетыми и перманентно нетрезвыми художниками. Новые друзья не сильно старались содействовать в продаже произведений искусства, зато регулярно стреляли деньги на выпивку и иные, не столь духовные нужды.

У нее там даже случилась неожиданная любовь. Избранника звали Алексей, он был традиционно бородат, длинноволос, пренебрегал гигиеной, любил пиво с воблой. На мой взгляд, это был жуткий мезальянс, но когда я пыталась раскрыть ей глаза, Ксения обижалась и заводила неубедительную песню о том, как Алексей талантлив, и как окружающий мир несправедлив и жесток по отношению к настоящим, опередившим свое время талантам. «Настоящий талант» очень скоро перебрался в квартиру Ксении и перевез туда свои творения. Видимо Алексей очень сильно опередил свое время, его картины никто не покупал. С момента заселения Алексея на ее территорию Ксения исчезла с моего горизонта. Я слегка расстроилась, но решила, что пусть… Может быть, Ксюха нашла, наконец, то самое пресловутое простое женское счастье.

В начале сентября она позвонила и спросила, не можем ли мы пересечься, желательно прямо сегодня. По голосу было слышно, что она чем-то сильно расстроена. Договорились встретиться в кафе в центре, в половине девятого.

Несмотря на то, что на улице было уже довольно темно, на Ксеньке были темные очки. Она поприветствовала меня

чересчур бурно. Мы давно не виделись, факт, но раньше она выражала свои эмоции более сдержанно.

– Привет, – почти любовно шептала она мне в ухо, – как же я рада тебя видеть! Как рада!

Я тоже была рада ее видеть, но перемены в поведении настораживали.

Я подождала, пока она выпьет чаю, немного расслабится, и только потом спросила, что же произошло. Ксения всхлипнула и трагическим жестом сняла очки, – под правым глазом переливался всеми оттенками лилового и желтого большой синяк.

– Он поднял на тебя руку! – догадалась я. – Вот скотина.

Ксения разрыдалась и рассказала все. История оказалась удручающе банальной: Алексей, конечно же, был женат, но от Ксении это скрыл. Выяснилось все совершенно случайно, когда она решила запихнуть в стиральную машину его грязную джинсовую куртку. Проверяя карманы, она наткнулась на паспорт и, не удержавшись, полистала его. Оказалось, что Алексей не «путник, ищущий дорогу в темноте», как он себя позиционировал ранее, а вполне себе семейный мужчина. В наличии имелась жена Елена Вениаминовна и двое несовершеннолетних детей.

– Погоди, – я увидела некоторые нестыковки в Ксенином рассказе, – ты же говорила, что он к тебе переселился. А Елена Вениаминовна что, не знала об этом?

– Представь себе, не знала, – ответила Ксения и громко

высморкалась в салфетку, – она на даче была с детьми все лето. Он их навещал в середине недели, потому что по выходным типа самая работа на вернисаже.

– Тааак, – в моей душе проснулись самые мрачные предчувствия, – ты ему сказала, что обнаружила его паспорт и теперь знаешь правду, и он поставил тебе фингал под глазом. Так?

Я не угадала. Деликатная Ксения, терзаемая, к тому же, угрызениями совести, потому что шарилась по чужим карманам, ничего не сказала Алексею, а почти две недели страдала молча. Тридцать первого августа Алексей торжественно объявил ей, что им было хорошо вместе, что воспоминания об этом волшебном лете он пронесет через всю жизнь, но, увы, он много размышлял над тем, как складываются их отношения, и пришел к выводу, что им нужно расстаться, потому что так будет лучше для них обоих.

Такая откровенная и наглая ложь вывела из себя обычно спокойную Ксению, и она, дождавшись конца программной речи, поинтересовалась, где все это время находилась Елена Вениаминовна, и в курсе ли она, что ее супруг в течение трех месяцев проживал у другой женщины. Это она, конечно, зря сказала. Он немедленно обвинил Ксению в том, что она шпионила за ним. Ксюха в ответ заявила, чтобы он не судил по себе, что она никогда бы не опустилась до такой низости, а вот от партнера, который, между прочим, проживает в ее квартире, за проживание не платит, зато регулярно

одалживает у нее деньги, она вправе ожидать, как минимум, честности.

– И тут он, конечно, страшно вознегодовал, – заметила я, – и, скорее всего, заявил, что собирался тебе все вернуть, но раз ты показала себя такой мелочной, то возвращать он ничего более не собирается, потому что чувствует себя свободным от обязательств перед такой низкой женщиной как ты.

Ксения обреченно кивнула головой, а потом робко поинтересовалась:

– Ир, скажи, ну откуда ты знала, что так все и получится? Ты что, экстрасенс, что ли?

– Дорогая, чтобы раскусить такого типа как твой Алексей, не нужно быть экстрасенсом. Даже если бы ты ему не сказала, что знаешь о существовании Елены Вениаминовны и двух отпрысков, он бы нашел, к чему придраться.

– Но… Зачем ему это? – удивилась Ксения.

Иногда ее наивность доводит меня до исступления. Вот как сейчас. Я довольно грубо ответила:

– Затем, что деньги он тебе возвращать не хотел. Нет у него денег. Держу пари, что ты все лето спонсировала отдых Елены Вениаминовны и двух Алексеевичей. Когда, говоришь, он в последний раз запускал руку в твой кошелек?

Ксения задумалась, вытащила из сумки маленький календарь, сверилась с какими-то пометками:

– Полторы недели назад. Мне жильцы двадцатого платят, а двадцать третьего Леша сказал, что ему деньги нужны..

– Правильно, – кивнула я, – они ему и в самом деле были нужны, жену с детьми с дачи перевезти и все необходимое к школе купить. Сколько картин он продал за лето?

Ксения опять смутилась:

– Не знаю. Две или три… – неуверенно ответила она и сразу добавила, – кажется.

Я не стала дальше выяснять и сменила тему. Очень меня беспокоил синяк под глазом. Я даже предложила написать заявление в полицию. Ксения отказалась.

– Ладно, – резюмировала я, – хорошо, что все так быстро закончилось.

Ксения в очередной раз кивнула и горько разрыдалась. Сквозь слезы она выкрикнула еще несколько фраз, из которых стало ясно, что, уходя, Алексей выгреб всю наличность, и ей элементарно не на что жить до двадцатого числа следующего месяца, пока не поступит очередное финансовое вливание от арендаторов жилья. Одолжить ей похищенную сожителем сумму я не могла, но бросить подругу в беде тоже не представлялось возможным. Я предложила компромиссный вариант, – на этот месяц она переселяется ко мне. На работу ей все равно ходить не нужно, денег на проездной я дам, а питание за мой счет. Ксения сначала запротестовала, а потом подумала и согласилась. Думаю, не столько потому, что ей неоткуда было взять денег, – в конце концов, среди наших общих знакомых есть вполне состоятельные люди, а потому что ей хотелось кому-то изливать душу. Причем де-

лать это в режиме нон-стоп.

Предложив Ксеньке пожить у меня, я руководствовалась скорее эмоциями, чем разумом. К моему великому облегчению, Ксения оказалась вполне комфортным соседом по квартире. Она как-то сразу вписалась в мой режим, и все было бы замечательно, если бы не только что пережитая ею сердечная драма.

Как нарочно, именно тогда на работе случился аврал, приходилось почти ежедневно задерживаться, а когда я, практически без сил, приползала домой, меня ждала очередная порция рассказов о недолгой и несчастливой любви Ксении и Алексея. Через несколько дней я завела «дембельский календарь», – красным цветом пометила двадцатое число, – день, когда арендаторы должны были передать Ксеньке деньги. Каждое утро, придя на работу, я вычеркивала предыдущий день и высчитывала, сколько мне еще осталось выслушивать душераздирающие подробности Ксенькиного романа. История, конечно, знает примеры, когда одна персона развлекает другую посредством рассказов. Самый яркий пример (восемь красочно оформленных томов) стоит у меня на стеллаже и называется «Сказки тысячи и одной ночи».

В день, когда она встретилась со своими квартиросъемщиками, я опять авралила до поздней ночи, и домой заявилась без четверти двенадцать. В квартире царил романтический полумрак, сильно пахло восточными благовониями. Ксения сидела на кухне, на столе перед ней стоял нетрону-

тый торт и наполовину опустошенная бутылка шампанского. Подруга был слегка нетрезва, но настроена очень доброжелательно. Она приветствовала меня радостными выкриками и тут же предложила мне выпить шампанского.

– Главное, не волнуйся, – бубнила Ксения, снимая с подставки бокал для меня, – тебе хватит, в холодильнике еще две лежат…

Она открыла дверцу и продемонстрировала запасы.

Пить мне совершенно не хотелось, день оказался таким тяжелым, что сил моих осталось только на принять душ и доползти до кровати. Не тут-то было, Ксения мягко, но цепко перехватила меня на пороге ванной комнаты. Я попыталась увильнуть, малодушно ссылаясь на усталость и необходимость отдыха. Но подруга была непреклонна. Видимо, она весь день ждала меня, чтобы выплеснуться, и теперь никак не могла позволить, чтобы ускользнул единственный зритель. Сошлись на компромиссном варианте, – я мою руки и споласкиваю лицо, после чего присоединяюсь к ней на кухне. Она не стоит у меня над душой, пока я проделываю указанные гигиенические процедуры. Свою часть договоренности Ксения выполнила, хотя это далось ей нелегко. Пока я умывалась, из-за дверей доносилось нетерпеливое покашливание. Это раздражало, не давало расслабиться, даже возник соблазн резко открыть дверь, чтобы заставить ее отпрыгнуть или, если совсем повезет, закатать ей дверью в лоб. Вообще-то, подобные кровожадные настроения мне не свой-

ственны, но трудно держаться в цивилизованных рамках, если ты пахал весь день, а потом кто-то, целый день ничего не делавший, вдруг решает, что отдыхать тебе пока рановато. Однако Ксения проявила деликатность, – как только я выключила воду, она быстренько ушла на кухню.

Когда я села за стол, она немедленно сунула мне в руки бокал с шампанским и торжественно провозгласила:

– За нас!

Мы выпили, Ксюха до дна, я один глоток и поставила бокал на стол. Ксения пододвинула ко мне тарелку с куском торта.

– Закуси, Ирчик.

Начало меня насторожило. Я попыталась выяснить, что произошло.

– Что стряслось? Алексей звонил?

Ксения печально покачала головой.

– Нет. Я думаю, он никогда уже не вернется ко мне… – она вздохнула и вылила остававшееся в бутылке шампанское в свой бокал.

Начало речи обнадеживало. Не знаю, что произошло сегодня днем, но это явно положительно повлияло на ее способность правильно оценивать ситуацию.

Я терпеливо ждала. Когда человек собирается изливать тебе душу, ни в коем случае не следует его подгонять и уж тем более сбивать внезапными вопросами.

Ксюха задумчиво изучила количество жидкости в бокале,

еще раз вздохнула, поставила его на стол и доверительно сообщила.

– Я пересмотрела всю свою жизнь.

Я молчала, на такое всеобъемлющее заявление трудно отреагировать правильно. Спросишь, например, «и что ты там обнаружил», а человек тебе в ответ заявит, что вся его жизнь была пустым прожиганием, и что ничего стоящего он вспомнить не может. И выйдет, что лучше бы ты своего вопроса не задавал.

Ксения неожиданно обиделась:

– Что ты молчишь? – напустилась она на меня. – Тебя не интересует, к каким выводам я пришла?

Я ее успокоила, сказав, что интересует чрезвычайно, но я проявляю такт и деликатность, поэтому молчу. Ксения пробурчала несколько слов, что чья бы корова мычала насчет деликатности, а вот моей можно было бы и помолчать, потому как она, Ксения, за годы нашего знакомства не раз убеждалась в том, что я деликатна как ярмарочный зазывала.

Немного успокоившись, Ксения сказала, что погорячилась, но что этому есть оправдание. Сегодня, встретившись со своими арендаторами и получив от них деньги, ее вдруг осенило, что до сегодняшнего дня она эти деньги тратила на занятия несерьезные, типа рисования. И что все неприятности, произошедшие с ней этим летом, все это было ниспослано ей в качестве предупреждения. Но она не сразу об этом догадалась, а вот сегодня, можно сказать, произошло

чудо, – перед ней предстала истина. Я, честно говоря, решила, что Ксения перебрала шампанского. Дабы проверить свою догадку, я взяла из стоявшей на столе вазочки конфету, развернула ее и направилась к мойке, чтобы выбросить фантик в мусорное ведро. К моему великому удивлению в мусорном пакете не оказалось пустых бутылок. Стало быть, стимулятором появления истины явился не алкоголь. Я метнулась в коридор, где в углу, между встроенным шкафом и галошницей, висела на стене аптечка, – нужно было проверить еще одну вероятность. Но и успокаивающие таблетки, выписанные невропатологом, были на месте. На всякий случай я пересчитала их, – нет, все на месте. Ксюха уже неделю как перестала их употреблять, но я, боясь, что она сорвется, каждый вечер пересчитывала остаток.

Итак, таблетки были целы, шампанского она выпила примерно полбутылки, что для Ксении совсем даже не много. Вопрос, чем был вызван свет истины, оставался пока открытым. Я вернулась на кухню и села напротив Ксении. За время моего недолгого отсутствия она успела допить шампанское и достать из холодильника вторую бутылку. Я выждала, когда Ксения наполнит свой бокал, и продолжила разговор:

– Так что за истина предстала перед тобой сегодня?

Из ответа подруги стало ясно, что она забыла про истину, и что сейчас ее занимают совершенно иные вопросы. Главный из которых, – как вернуть негодяя Алексея. Я попыталась втолковать, что, если бы и существовал надежный спо-

соб, то вряд ли стоило бы им воспользоваться. Потому что у Алексея супруга, дети и отсутствие постоянных заработков. Ксенькиного же дохода в виде денег от сдачи квартиры, хватает на более-менее приличное существование одного индивида, но никак не на прокорм еще четырех человек.

– Ты не понимаешь, – перебила меня Ксения, – это не просто блажь, я могу заработать кучу денег.

И она посвятила меня в свой план. Оказывается, сегодня она зашла в Интернет в поисках удаленной работы… Сам факт, что Ксения задумалась о какой-либо работе, поразил меня чрезвычайно, и я еще подумала, что, может, все к лучшему, по крайней мере, это отвлечет ее от мыслей об Алексее. Я порадовалась за подругу, впервые за несколько месяцев она начала думать и, что еще более важно, действовать конструктивно.

– Нашла что-нибудь? – спросила я, мысленно прикидывая, кем бы могла работать Ксения, не имеющая ни малейших офисных навыков.

Она подтвердила мои подозрения, с работой было далеко не все так просто. Хотя Ксюха и не претендовала на сумасшедшие деньги, но даже за деньги вовсе умеренные работодатель желал, чтобы потенциальный сотрудник в совершенстве владел офисным пакетом, а еще лучше, – несколькими программами сверх стандартного набора «ворд+эксель».

– Это на какие вакансии? – спросила я.

Ксения не смогла толком объяснить, куда за небольшие

деньги нужны были такие образованные специалисты.

– Я не вникала, – ответила она, – как увижу в графе необходимые навыки какой-нибудь неведомый мне ужас, так сразу ухожу с этой страницы.

Она подняла свой бокал, чокнулась со стоящим на столе моим бокалом, и допила шампанское.

– Еще нужны сейлзы, – продолжила она рассказ, – продавать всякую хрень. Зарплата маленькая, но везде обещают процент от продаж.

– Говорят, что менеджеры по продажам неплохо зарабатывают, – поддержала я разговор, но тут же уточнила, – правда, речь идет о солидных фирмах.

– Вот то-то и оно, что в солидных, – возмущенно ответила Ксения.

Она позвонила по телефонам, указанным в нескольких таких объявлениях. В двух местах речь шла о продаже биологически активных добавок, причем требовались первоначальные вложения, Ксеньке предложили выкупить товар, который она должна будет продвигать дальше. Еще в одном месте требовались менеджеры для продаж по телефону.

– Не хочу, – резюмировала Ксения, – не для того я образование получала, чтобы звонить незнакомым людям и впаривать им пылесосы Кирби. Мама мне всегда говорила, что быть назойливым нехорошо.

– Не надо в пылесосы, – попросила я Ксению, – мне бы не хотелось в один прекрасный день послать тебя…

– Я и не собиралась, – успокоила меня подруга и пошла доставать третью бутылку.

Тут я сообразила, что никакой работы Ксения не нашла, и совсем не прояснилось, в чем заключается момент истины. Хотя… Меня осенила страшная догадка:

– Так истина-то в чем? В том, что работы для тебя никакой нет?

– Нет! – погрозила мне пальцем Ксения. – Я понимаю, что ты меня… – тут она осознала, что негоже обвинять человека, который тебя приютил в трудную минуту, и тут же поправилась, – вы все меня считаете тунеядкой, но это не так.

Просто вы пашете исключительно за деньги, а я хочу работу для души… И для самовыражения.

– И что, нашлась такая работа? Ну, чтобы тебе самовыразиться? – саркастически спросила я.

Ксюха торжествующе посмотрела на меня:

– Представь себе, нашлась!!!!

Я терпеливо ждала. Интересно, кто тот загадочный работодатель, который будет платить деньги за самовыражение. Из моих знакомых за очень хорошие деньги самовыражается на работе только Влад Бубенников, но он владелец довольно крупного рекламного агентства. Примеры Владикиного самовыражения я частенько встречаю на улицах Москвы. И всякий раз убеждаюсь, что Влад натуральный гений. Умудряться втюхивать этот кошмар заказчику, да еще так, чтобы тот уходил в полной уверенности, что именно этого ужаса

его фирме не хватало все эти годы, это большой талант надо иметь.

– Когда-нибудь, – пророчествовала я, – когда-нибудь тебя, Бубен, разоблачат. Ты же жулик!

– Нет, Ирочка, – весело отвечал мне никогда не унывающий Влад, – еще года три, четыре назад я бы с тобой согласился. А вот сейчас нет, поздно! Признать, что я фиговый креативщик автоматически означает признать, что все эти годы их разводили как лохов. Кто первым признает себя лохом, а? Вот, то-то же! Наоборот, теперь они меня друг другу рекомендуют… Чтобы не так обидно было.

И, знаете, он оказался абсолютно прав. Среди той прослойки населения, которая обладала достаточными средствами, чтобы приобрести его проекты, за эти годы сформировалось устойчивое мнение, что Влад Бубенников – некоронованный король российского креатива. Кстати, этот несколько пошловатый на слух термин придумал сам Влад. Наша компания была уверена, что его поднимут на смех. Он предложил поспорить на ящик коньяка. Мы согласились. Наша общая подруга Маринка Кожевникова, журналист одной из ведущих московских газет, пропихнула интервью с Владом в воскресное приложение. Фраза «некоронованный король российского креатива» была дана врезкой посередине страницы. Мы ждали реакции, все же ящик коньяка на кону, реакция была, и еще какая. Фразу подхватили и растащили по Интернету. Некоторые, особо активные писатели,

посвятили Владу много брызжущих ядом страниц. Новоявленного (я бы сказала даже самозваного «короля») обсуждали в блогах, несколько малоизвестных карикатуристов стали чуть-чуть более известными после публикации карикатур на Влада. В общем, через месяц прозвище «король русского креатива» прочно к нему приклеилось, а нам пришлось скидываться на коньяк.

У Ксюхи Владикиного таланта, – выдавать откровенную туфту за «продукт завтрашнего дня» нет, так что мне было очень интересно, кто тот таинственный и безумный работодатель, который готов платить не за работу, а за самовыражение.

Ксения молчала, я тоже не торопилась задавать вопросы. Тому было несколько причин. Во-первых, я уже задала вопрос и пока не получила на него ответа. Во-вторых, есть у Ксеньки неприятная черта, она любит недоговаривать фразы. Вот и сейчас она сидела, загадочно улыбаясь, будто и в самом деле нашла способ, не напрягаясь и не насилуя свою ленивую натуру, заработать себе на хлеб с икрой и маслом. В отличие от нас, трудолюбивых пчел, а, по сути, идиотов, которые гробят себя на нелюбимых работах, пусть даже за приличные деньги. Мы помолчали еще минуты две, после чего я демонстративно зевнула.

– Пожалуй, пойду-ка я спать. Завтра мне на работу вставать рано.

Я собрала со стола посуду, неторопливо подошла к мойке,

открыла воду и, не спеша, тщательно вымыла бокал. Ксенька мой прием разгадала, но сдалась не сразу, а только когда я, пожелав ей спокойной ночи, вышла из кухни.

– Ты куда? – крикнула она мне в спину. – Тебе не интересно, куда я собираюсь выйти на работу?

– Очень интересно, – искренне ответила я, – но мне показалось, что ты, по какой-то причине, не хочешь рассказывать.

Ксения смутилась.

– В общем… Ты угадала, – призналась она, – не очень хочу.

– Тогда не нужно себя насиловать, – посоветовала я, – не рассказывай.

И я ушла в свою комнату. Еще некоторое время было слышно, как она ходит по кухне, что-то бормочет и чем-то звякает, а потом звуки уплыли, мне приснился сон.

Глава II

Лето, жара, поляна в лесу. Пахнет травами и немного земляникой. Я стою около сосны, трогаю пальцами потеки смолы на коре. Я кого-то жду. Я знаю, этот кто-то обязательно придет. Время тянется медленно, почти так же медленно, как идет по небу июльское солнце. Июль – макушка лета, даже в среднерусской полосе месяц этот жаркий и солнечный. Хочется пить, но у меня нет с собой воды. Можно поискать землянику, в этом году лето выдалось хорошее, ягод – тьма-тьмущая. Ногой, обутой в странный ботинок, я ворошу стебли травы. Земляники нет, зато в обилии ползают черные муравьи, как раз под сосной огромный муравейник. Несколько муравьев заползает мне на ногу, я их стряхиваю и отхожу подальше.

Жарко, жарко… Глаза сами закрываются, я щипаю себя за руку, – спать нельзя, ни в коем случае нельзя спать.

Среди деревьев мелькает красное платье. Девушка, которую я жду, не спешит выйти на поляну. Зря она надела красное, теперь я знаю, что она уже здесь. И я готова…

Глава III

– Ты спишь? – подруга мягко, но настойчиво трясла меня за плечо.

– Сплю, – буркнула я и попыталась скрыться от нее под одеялом.

– Ты обещала со мной поговорить, – не сдалась она и бесцеремонно зажгла верхний свет.

Я натянула одеяло на голову, но свет от шести галогеновых лампочек в недавно купленной люстре нагло проникал даже под одеяло.

– Что тебе? – невежливо поинтересовалась я, не высовывая головы.

Ксения плюхнулась на кровать и нагнулась к тому месту, где, как она предполагала, находилась моя голова. Тут же выяснилось, что одеяло не служит препятствием не только для света, но и для запаха алкоголя.

– Ты обещала, – с настойчивостью, свойственной педантам и сильно нетрезвым людям, повторила подруга, – обещала выслушать меня.

– Погаси верхний свет и включи ночник, – скомандовала я, – тогда я тебя выслушаю.

Нехорошо, конечно, ставить ультиматумы друзьям, но с Ксенькой иначе нельзя. Она, как человек давно не работающий, элементарно не понимает, почему мы, такие зануды,

не горим желанием сидеть до утра за неторопливой беседой о чем-нибудь возвышенном, например, о природе пламени. Один раз ей удалось-таки нас уговорить. Первой, будучи по биологическим ритмам типичным жаворонком, не выдержала я, вторым вырубился «некоронованный король российского креатива» Влад Бубенников, дольше всех продержались Маринка Кожевникова (будучи журналистом, она тоже часто работает во второй половине дня) и еще один наш друг, Андрей Вокенаар.

Об Андрюхе хочу немного рассказать. Вообще-то первые тридцать лет он прожил под фамилией Горошко. И был он всегда чем-то недоволен. Недоволен своей фамилией, которая, как он считал, звучала несерьезно и поэтому могла стать препятствием серьезной карьере. Недоволен правительством, которое, с его точки зрения, принимало совершенно идиотские законы. Еще он был недоволен тем, что родился, по его собственному выражению, «не в той семье», что также ограничивало его шансы стать CEO крупной (желательно зарубежной) компании. Самой любимой темой Андрея в студенческие годы была тема «заграничной жизни». Причем, поскольку он на самом деле был из небогатой семьи, ни в одной «загранице» (на тот момент времени) Андрей не был, однако же, почему-то имел твердую уверенность, что в «загранице» его способности были бы куда как более востребованы. Выбраться в заветную «заграницу» на постоянное место жительства можно было несколькими способами. Ан-

дрей Горошко внимательно изучил все возможные и часть из них: эмигрировать как преследуемый по религиозным мотивам, получить грант на обучение, а потом зацепиться в тамошнем университете, – эти возможности он отринул, как трудоемкие и не дающие стопроцентного результата. Остался один, тоже довольно хлопотный, как считал Горошко, зато проверенный способ, – жениться.

Претворить в жизнь проверенный способ оказалось не так уж и легко. Все сайты международных знакомств предлагали массу вариантов для девушек: «замуж в США», «10000 мужчин из Европы ждут вас», и практически ничего для мужчин. Андрей походил по зарубежным сайтам, даже попереписывался кое с кем из тамошних дам, желающих «серьезных отношений». К сожалению, ни одна переписка не дала результатов: как только дамы узнавали, что Андрей из России, их интерес быстро заканчивался. В итоге Горошко плюнул на Интернет знакомства и начал активно посещать места, где развлекались экспаты. Увы, женщин там тоже было немного. Я имею в виду заграничных женщин, соотечественниц, ходящих в эти заведения с теми же целями, что и Горошко, было более чем достаточно. А иностранные дамы, что изредка появлялись, были настроены исключительно на кратковременные связи, но никак не на серьезные отношения. Андрей долго не мог понять, в чем тут дело, пока доброжелательная Бригитта (тридцатилетняя специалистка по финансам, работающая в представительстве крупного немецкого концерна)

не ответила ему на заданный в лоб вопрос.

– Андре, – лениво заметила она, расслабляясь после секса, – ты слишком молод и твои перспективы непонятны. Ты напрягаешь разговорами о браке, но при этом совершенно не представляешь, как будет строиться семейная жизнь.

– Подожди, – перебил ее донельзя удивленный Горошко, – как это, не представляю…

– Очень просто, – начала раздражаться Бригитта, – ты, в том виде, в каком ты сейчас есть, представляешь интерес разве что для легкого романа. Только встречаться, даже не жить вместе.

– Я же предлагаю замуж, – продолжал удивляться Андрей.

– И? – ехидно заметила Бригитта. – Женись, кто тебе мешает. У меня в отделе масса твоих соотечественниц спят и видят, как бы выйти замуж. Почему ты на них не женишься?

Горошко замялся, выкладывать перед Бригиттой правду, что он хочет жениться на иностранке и свалить отсюда, не хотелось. Он предложил закрыть тему, но перед закрытием все же спросил:

– Ты считаешь, у меня вообще нет никаких шансов?

– Очень небольшие, – честно ответила Бригитта, – разве что наткнешься на романтичную особу. Мне такие ни разу не попадались, но где-то они должны водиться.

Горошко сделал выводы из беседы. Он сменил возрастную категорию. Если раньше его интересовали исключительно самостоятельные женщины, занимающие приличные долж-

ности в международных корпорациях, то теперь он зачастил в недорогие студенческие клубы. Не прошло и двух месяцев, как новая тактика принесла свои плоды, да еще какие!

Илзе Вокенаар приехала из Голландии проходить практику в одном из российских банков. Ее папа, занимающий довольно крупный пост в одном из голландских банков средней руки, считал, что в ближайшие годы наиболее быстрыми темпами будет развиваться бизнес с Россией. Поэтому Илзе помимо всех финансовых премудростей, необходимых будущему банкиру, изучала еще и русский язык. Из каждой своей командировки отец привозил Илзе книги на русском языке, преимущественно русских классиков. Книги приходилось читать, а потом еще пересказывать содержание и отвечать на вопросы по тексту. С писателями Толстым и Достоевским было довольно просто: в крупных книжных магазинах Амстердама легко можно было найти вполне приличное переводное издание, гораздо больше проблем создавал тип по фамилии Пушкин. Этот Пушкин тоже писал прозу, но немного, большую часть своей недолгой жизни он сочинял стихи. И считался в России поэтом номер один.

– Даже не пытайся найти его стихи в переводе, – сразу предупредил Илзе преподаватель русского языка, – эквивалентного перевода нет. Чтобы перевести гениальные стихи, нужно самому быть гением.

Илзе зубрила куски из ненавистного Пушкина. Когда отец, совершенно вымотавшийся за день, возвращался с ра-

боты, Илзе спускалась в гостиную и начинала нарезать круги, громко декламируя:

– Бурья мглою небо кроет, вихри снежные крутя…

Строчки не хотели запоминаться, но Илзе была упорна и бубнила про «бурью» до тех пор, пока домашние не начинали выражать протест.

– Вы не понимаете, – объясняла им Илзе, втайне наслаждаясь столь изощренной местью, – чтобы понять Россию, надо понять ее поэзию (это она тоже не сама придумала, так говорил репетитор по русскому языку), эквивалентного перевода нет. Чтобы перевести гениальные стихи, нужно самому быть гением.

Родные соглашались, только просили чуть потише декламировать гениальные строки, Илзе уходила в свою комнату и продолжала зубрить. Она думала, что возненавидит Пушкина, но, странное дело, чем больше она учила его стихов, тем больше он ей нравился. И, наконец, настал тот день, когда Илзе вдруг осознала, что строчки давно умершего поэта волнуют ее больше, чем самые страстные признания немногочисленных поклонников. Она возвращалась с очередного свидания, открывала томик со стихами и наслаждалась:

– Я вас любил, любовь еще, быть может…

К моменту отъезда на практику душа Илзе находилась в смятении, более свойственном романтичным барышням XIX столетия, чем прагматичным девушкам века XXI-го, в особенности, тем, кто выбрал для себя профессию банкир.

Москва ошеломила Илзе. Она не представляла, что город может быть таким многолюдным, шумным и вульгарным. Примерно через неделю коллега Ася пригласила Илзе на вечеринку, там-то мисс Вокенаар и познакомилась с Андреем Горошко.

В том, что первый (и пока единственный) брак Андрея Горошко состоялся, виноваты два человека, – великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин и девушка Ася. А. С. довел своими стихами голландскую барышню до состояния «душа ждала… кого-нибудь», а девушка Ася рассказала Горошко про чудную голландку, старомодно романтичную и увлекающуюся Пушкиным.

На вечеринке Андрей, выждав, когда народ слегка дернет и перестанет обращать внимание на смущающуюся голландку, подсел к Илзе и, проникновенно глядя ей в глаза, произнес:

– Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты…

Илзе влюбилась сразу и сильно. Голландский папа не пришел в восторг, он не ожидал, что изучение русского языка закончится появлением русского зятя.

Несмотря на многочисленные препятствия (полагаю, что ко всем бюрократическим заморочкам приложил свою банкирскую руку папа Вокенаар в надежде, что русский жених, столкнувшись с голландской бюрократией, капитулирует сам; папа Вокенаар, прекрасно разбирающийся в финансовых тонкостях, даже не догадывался, каким мощным ис-

точником жизненной энергии является желание свалить из родной страны), брак был зарегистрирован, и Андрей Вокенаар (к большому неудовольствию тестя он взял фамилию жены) отбыл по месту жительства супруги. Перед отъездом он разослал приглашения на небольшую прощальную вечеринку. Народ откликнулся вяло, пришли Ксения, Маринка Кожевникова, Влад Бубенников (он тогда еще не был королем русского креатива, а всего лишь работал дизайнером в маленькой рекламной фирме) и я.

– Ребята, – расчувствовался после пятой рюмки Андрей, – это реальный шанс. Нельзя было его упускать. Всех жду в гости… Всех!

– А где ты там жить будешь? – поинтересовалась любопытная Маринка.

– У тестя, паразита, дом свой, – похвастался новоиспеченный муж.

– И он, в смысле, тесть паразит, горит желанием приютить в своем доме всех твоих друзей? – не поверила Маринка.

Мистер Вокенаар смутился.

– Не знаю, – честно ответил он.

– На что жить там собираешься? – задал вопрос Влад Бубенников, уже тогда сформулировавший для себя нехитрую жизненную философию – «деньги – это свобода».

– Пока на пособие, – признался Андрей, – а потом, как язык подучу, найду что-нибудь.

– Может, тесть посодействует, – добавил он после некото-

рой паузы, причем в голосе его явственно звучало сомнение.

Чтобы заглушить это сомнение, банкирский зять сильно напился, так что в аэропорт нам пришлось везти почти бездыханное тело, которое перед посадкой пришлось приводить в чувство сначала в мужском туалете, где Влад Бубенников просто сунул голову мистера Горошко-Вокенаара под холодную воду, а потом в кафетерии, где в слегка пришедшего в себя мистера было насильно влито пол-литра кофе.

В первые две недели мы получали от него письма каждый день, потом он стал писать реже, потом вообще пропал. Не писал и не отвечал на звонки и смс.

– Не иначе, как выбился в люди и забыл старых друзей, – резюмировал Влад Бубенников во время одной из наших традиционных «пивных» посиделок.

Сам Влад к тому моменту уже был на полпути к славе, потому сказал он это без обидок, просто констатировал факт.

По странной случайности через два дня мне позвонил Андрей и, как ни в чем ни бывало, сообщил, что он развелся, вернулся в Москву и, если я не возражаю, хотел бы встретиться.

Мы пересеклись в маленьком кафе в центре Москвы. Пожив в Голландии и став по паспорту Вокенааром, Андрей почти не изменился, разве что отпустил куцую бороденку.

– Что будешь пить? – сурово спросил он.

Я от выпивки отказалась.

– А я выпью, – с легким надрывом сказал он и заказал

сразу двести пятьдесят коньяка.

Выпив примерно половину золотистого напитка, он заже-вал все это ломтиком лимона. Я пила чай и терпеливо ждала.

– Эх, Ирочка, – начал свой рассказ слегка окосевший Ан-дрюха, – правду говорят, хорошо там, где нас нет…

Глава IV

История Андрюхиной семейной жизни оказалась оригинальной и поучительной. О том, что Илзе не единственный ребенок Андрей знал до свадьбы. Старшего Илзиного брата звали Роб.

Андрей очень рассчитывал подружиться с Робом и после того, как дружба окрепнет, попросить Роба оказать содействие в устройстве на работу. Тесть, на которого возлагались большие надежды, твердо и недвусмысленно заявил, что помогать новоиспеченному мистеру Вокенаару не будет. Однако брат Роб не торопился засвидетельствовать свое почтение мужу сестры. Андрей даже предложил Илзе не ждать, когда Роб придет к ним в гости, а напроситься к нему, благо, брат жил на этой же улице через два дома. Илзе замялась и сказала, что напрашиваться не принято, это во-первых, а во-вторых, у Роба сейчас сложная ситуация дома и они со своим визитом будут совершенно некстати.

Андрей не стал настаивать, к тому же, у него тоже появилось занятие, – нужно было оформлять пособие. А потом Роб уехал в отпуск, и встреча опять отложилась не неопределенный срок. Правда, Андрей сделал для себя вывод, – раз Роб в отпуске, стало быть, он где-то работает.

– Надолго Роб в отпуск то? – спросил он у жены.

– Нет, он уехал в круиз на теплоходе, через неделю вер-

нется.

Горошко пометил у себя в телефоне – «обязательно через неделю поинтересоваться, вернулся ли Роб и набиться в гости». Однако набиваться не пришлось, Роберт Вокенаар заявился в дом родителей прямо с борта теплохода. Старший брат Илзе оказался хрупким и нервным молодым человеком. У него были длинные светлые волосы, чтобы они не падали на глаза он носил тоненький, украшенный стразами обруч. Выглядело это довольно необычно. Не обращая внимания на мужа сестры, Роб быстро прошел в гостиную, где между ним и Илзе состоялся довольно длинный разговор на повышенных тонах. Роб нервно что-то рассказывал, судя по всему, во время отпуска случилась какая-то неприятность. Наконец он замолчал, зато заговорила Илзе, она явно старалась успокоить брата. Роб, судя по интонациям, сначала огрызался, но постепенно доводы сестры начали до него доходить, он отвечал все тише и тише и, наконец, замолчал. Андрей, простоявший все это время под дверями гостиной, но так и не разобравший не единого слова (брат с сестрой говорили очень быстро), быстро скрылся на кухне, чтобы жена не подумала, что он подслушивает. И очень вовремя, – Илзе выглянула из дверей гостиной:

– Андрей, ты где? Приходи в гостиную, Роб хочет с тобой познакомиться.

Илзе сказала неправду, Роб вовсе не горел желанием завести знакомство с Андреем Горошко. Он неохотно пожал

русскому зятю руку, после чего уселся в кресло, включил телевизор и начал щелкать пультом, перебирая каналы.

Андрей честно попытался завязать разговор, затронув поочередно темы погоды, футбола и красот Амстердама. Ни одна из поднятых тем успеха не имела, брат Илзе упрямо продолжал таращиться в телевизор.

– И скажи мне, пожалуйста, – спросил Андрей у жены, когда неприветливый родственник удалился, – чем я ему так не понравился?

Илзе покраснела:

– Ты все не так понял, – сказала она.

– Интересно, – Андрей решил прояснить ситуацию до конца, – что именно я не так понял? Конечно, в разных странах разные обычаи гостеприимства. Скажи, пожалуйста, в Голландии принято выражать симпатию к родственникам так, как это делал Роб? Если да, если это такой самобытный национальный обычай, то я приношу свои извинения.

Илзе, наконец, решилась.

– Роб просил пока не говорить родителям. Но я не вижу причины, почему я не могу сказать это тебе.

Далее из рассказа жены Андрей уяснил несколько интересных для себя пунктов. Первое, самое важное, – ему вряд ли удастся подружиться с Робом на почве футбола или пива, потому что Роб нетрадиционной сексуальной ориентации. Второе, не менее важное, – очень маловероятно, что Роб окажет ему содействие в трудоустройстве. Потому что в

данный момент Робу совершенно не до этого.

Как объяснила Илзе, Роб уже почти три года жил с каким-то парнем, но примерно полгода назад в отношениях возникла трещина, начались ссоры. И вот совсем недавно, недели три назад, сожитель Роба заявил, что им нужно пожить раздельно, собрал вещи и ушел.

– Роб очень, очень переживал этот уход, – со слезами на глазах рассказывала Илзе слегка обалдевшему от полученной информации Андрею. – Родители, видя, что с ним творится, посоветовали ему съездить в отпуск.

Андрей злорадно представил себе, как мерзкий старый хрыч Вокенаар убеждает непутевого сынулю отдохнуть от переживаний. Он так увлекся этой темой, что пропустил несколько фраз жены и включился только, когда она заговорила о каком-то Тиме.

Оказалось, что на теплоходе столик Роба обслуживал официант по имени Тим. Роберт, к немалому удивлению Андрея, хотя и вырос в приличной семье, к пролетариям относился лояльно, перед обслуживающим персоналом нос никогда не задирал. Из дальнейших объяснений жены Андрей вынес, что такое поведение Роба для Голландии вполне типично. Социальной лестницы как будто нет. А если и есть, то вся страна топчется на одной ступеньке.

В общем, по приезду Тим поселился у Роба и сразу же стал дико ревновать его к бывшему любовнику. Вчера у них состоялся первый крупный скандал, Тим потребовал, чтобы

Роб немедленно бросил работу.

– И что Роб, согласился? – заинтересовался Андрей.

– Конечно, – спокойно ответила Илзе.

Андрей обреченно вздохнул, похоже, что последняя надежда устроиться приказала долго жить.

– Я чуть с ума там не сошел, – сообщил Андрей, – Илзе устроилась на работу в банк отца. А я… Представляешь, Ирка, утром Илзе на работу, ее чертов папаша тоже на работу. Он на своей машине, она на своей. Мама ее дома сидит.

Мне показалось, что я уловила причину, по которой Андрей чуть не лишился разума.

– Тебе приходилось каждый день общаться с тещей? – победно произнесла я с удовлетворением доктора, поставившего правильный диагноз в сложном случае.

Я не угадала, с тещей Андрей жил вполне мирно. Тем более, что дома она была только до обеда, а к шести вечера тоже шла на работу. На общественную, она в каком-то тамошнем благотворительном обществе состояла. Это общество занималось тем, что патронировало неблагополучные слои населения. Андрюхина теща на общественных началах сидела с детьми какой-то проститутки. Проституткина работа как раз начиналась с 18.00, а с детьми сидеть было некому.

– Ирка, – Андрей допил коньяк и усиленно морщил лоб, видимо, думал, стоит ли заказать еще, – я выдержал два месяца. Два!

Для убедительности он поднял два пальца. Мимо пробе-

жала официантка.

– Девушка, – настойчиво позвал ее Андрей, – еще сто пятьдесят, пожалуйста, – и сразу, без перехода, мне, – папа банкир с утра на работу, жена, тоже банкир, с утра на работу, теща сидит с проститутскими детьми, я сижу на пособии. Театр абсурда, и у меня главная роль.

Мой интерес к Андрюхиному рассказу трансформировался от вежливого до живого, я с нетерпением ждала продолжения, но Горошко (или теперь уже Вокенаар?) как-то вдруг поскучнел и замолчал. Я вступила в беседу, очень уж хотелось узнать, что случилось дальше.

– Ты так и жил на пособие?

Андрей встрепенулся:

– Нет.

Официантка принесла коньяк, Горошко немного налил себе в рюмку, ухватил пальцами последний ломтик лимона, но не выпил, а неожиданно спросил:

– Ты помнишь мои экзерсисы с видеокамерой? Ту новогоднюю запись, из-за которой Влад с Маринкой устроили скандал?

Как можно было такое забыть! Он был первым из нашей компании, потратившим деньги на столь дорогую вещь. И он был единственным, кто купил камеру, по своим техническим характеристикам практически не отличающуюся от профессиональной. И еще он был единственным, кто, после приобретения камеры, приобрел еще и учебники по операторско-

му искусству.

Сначала он снимал наши студенческие вечеринки. Снимал плохо, неинтересно, как снимают многие начинающие операторы. Смотреть отснятый материал было невозможно, разве что напиться до той же степени, что и люди на экране. Но как-то раз, после бурного отмечания очередного Нового года, Андрей показал нам фильм не сразу. Мы дергали его, уверяли, что готовы купить много водки, дабы посмотреть «шедевр». Он не обижался, а просто отвечал, что обязательно все покажет, как только сделает монтаж.

Прошло почти два месяца, когда, наконец, Андрей обзвонил всех участников новогодней вечеринки и пригласил на просмотр. Влад Бубенников, как и обещал, купил изрядное количество водки. К восьми вечера подтянулся народ, особо не рассчитывающий на зрелища, больше полагаясь на водку и приобретенную мной и Маринкой закуску.

Пока мы делали салаты, раскладывали по тарелкам нарезку, Горошко возился с аппаратурой. Он продолжал что-то подсоединять, даже когда все уже сели за стол и налили по первой.

– Ну, что, Эйзенштейн, – поддел Андрея Влад Бубенников, – как насчет водочки дернуть?

– Минутку, – ответил Горошко, подсоединил последний провод, убедился, что звук есть, взял в руки пульт и тяжело плюхнулся рядом со мной, подальше от Владика.

Все чокнулись и, только было, поднесли рюмки ко рту,

как Андрей щелкнул пультом, на экране появилась надпись «Новогодние приключения Влада и Марины».

Через пять минут Влад выплеснул недопитую водку в лицо Андрею и полез в драку. Маринка тоже вскочила и с упоением вцепилась Андрею в волосы, подбадривая Влада криками. Мы с Ксенией продолжали таращиться на экран, где Влад беззастенчиво лез Марине под юбку. Самое интересное, никто ничего такого не помнил насчет новогодней вечеринки. Может, потому, что все хорошо выпили. Все, кроме меня и Андрея. Но я не следила за Мариной и Владом.

Сейчас, глядя на экран, я поняла, как много упустила в тот вечер. Когда камера Андрея бесстыже заглянула в дальнюю комнату квартиры, где Влад энергично стаскивал с Маринки свитер, оба исполнителя главных ролей оторвались от избиения оператора и переключились на уничтожение аппаратуры. Маринка схватила камеру и со всей силы бросила ее на пол, Влад вытащил бетакамовскую кассету, положил ее на пол и несколько раз ударил каблуком, после чего нагнулся, вытащил из расколовшейся кассеты пленку, скомкал ее и разорвал в нескольких местах.

– Доигрался, Тарантино, – мстительно сказал Влад и вернулся за стол.

Однако Маринка на этом не успокоилась, пришлось оттаскивать ее от телевизора, не так давно купленного Андреем за приличные деньги.

– Пусть, пусть ему, гаду, убыток будет, – выкрикивала Ма-

ринка, пока мы тащили ее к столу, наливали водку и буквально заталкивали эту водку ей в рот.

После третьей рюмки она немного успокоилась, даже спросила у Андрея, сколько стоила разбитая камера. Услышав сумму, которая тогда казалась нам почти астрономической, Маринка удовлетворенно отметила:

– Попал ты, старик, на хорошие бабки!

Эта мысль согрела ей душу, и остаток вечера прошел на удивление мирно.

Правда отношения между Владом, Маринкой и Андреем некоторое время оставались натянутыми и слегка потеплели лишь перед самым отъездом Горошко к месту жительства супруги.

И вот теперь, через несколько лет после неудачного дебюта в качестве режиссера и оператора, Андрей вдруг вспомнил эту неприглядную историю. Я молчала, не видя связи между любительским эротическим фильмом и пособием по безработице. Неожиданно Андрей подмигнул мне и продолжил.

– Я, когда уезжал в Голландию, захватил с собой этот фильм и еще несколько, снятых чуть позже.

– Погоди, – перебила я его, – как это – захватил. Влад же уничтожил пленку.

– Я похож на идиота? – спросил Андрей. – У меня осталось еще несколько копий.

– А другие фильмы, откуда они появились? – продолжала

удивляться я.

– Нашлись люди, – охотно объяснил Андрей, – которых прикалывало видеть себя на экране.

Я все еще не понимала, какую выгоду Андрей мог поиметь с любительского порно (или все же это была эротика?) в Голландии. Мне казалось, что уж там-то купить подобный продукт не проблема. Целая индустрия. Следующие несколько фраз показали, что я смотрю на вещи узко. Андрей Горошко знал о существовании порноиндустрии, но, в отличие от меня, он сразу сообразил, что в каждой индустрии работают люди. Поэтому, очумев от сидения на пособии, он в один прекрасный день разослал образчики своего творчества в самые известные порностудии Европы, предложив им свои услуги в качестве оператора. Через некоторое время пришел ответ, он оказался неутешительным, – самые известные порностудии Европы не горели желанием взять к себе на работу оператора-любителя из России. Андрей впал в депрессию и зачастил в дом к шурину, активно тратя небольшое пособие на легкие наркотики. Через неделю тесть пригласил Андрея в ресторан. Горошко воспрянул духом, слегка откорректированный гашишем мозг выдал на-гора идею, что тесть приглашает его не просто так, что он, наконец, понял, как тяжело живется зятю и собирается предложить приличную работу. Андрей угадал только один пункт, – тесть на самом деле затеял встречу не просто так. В сухих и жестких выражениях он объяснил Андрею, что никогда не приветствовал его в ка-

честве зятя, но, поскольку он любит свою дочь, смирился с ее выбором. Более того, он частично обвиняет себя в том, что Илзе сделала такой выбор, не нужно было так сильно грузить ее русским языком и тогда, глядишь, она бы не стала искать свою любовь в дикой России, а нашла бы хорошего местного парня. Но, уж как вышло, так вышло. Главное, чтобы девочка была счастлива. Андрей согласно кивал, ему казалось, что вся эта пафосная речь – только прелюдия к основному, предложению работы. И опять он угадал только отчасти. Закончив с вступлением, старший Вокенаар перешел к делу. Он объявил, что поведение Андрея в последнее время выходит за рамки пристойного, что Илзе все время выглядит расстроенной, и что он, как отец, не может не вмешаться. Короче, он поставил Андрею ультиматум: или тот завязывает с гашишем (да, здесь это разрешено, но это не означает, что тесть Вокенаар допустит это в своем доме), или мистер Вокенаар нажмет на все рычаги, чтобы убрать зятя из страны.

– Но как же Илзе? – возмутился Андрей. – Это ей не понравится!

Тесть в двух словах растолковал ему, что, как только Горошко исчезнет с Илзиного горизонта, семья приложит максимум усилий, чтобы девочка забыла о нем как можно скорее. Тем более, – веско добавил мистер Вокенаар, – у них в банке есть молодые люди, которым Илзе очень нравится и, как ему, мистеру Вокенаару, кажется, она уже начала жалеть о своем скоропостижном замужестве. Вот эта послед-

няя фраза и напугала Андрея более всего. Он слишком хорошо знал свою жену. Илзе была невероятно романтична, что, с одной стороны, позволяло ей манипулировать, читая стихи и создавая атмосферу столь любимого ей XIX столетия. С другой стороны, если Илзе увлечется кем-нибудь, она тут же расстанется с Андреем. Просто потому, что «не сможет его обманывать». И тогда наступит конец, потому что из всех членов семьи Вокенаар только Илзе относится к нему тепло, остальные либо сохраняют вооруженный нейтралитет (как теща), либо откровенно не любят (как тесть и брательник Роб). Не на шутку напуганный Андрей тут же пообещал тестю, что с завтрашнего дня возьмется за ум.

На следующий день Горошко разослал образчики своего творчества в порностудии средней руки и совсем маленькие. Через неделю пришел ответ из маленькой студии, у них была горящая вакансия оператора, и они предлагали Андрею эту вакансию занять.

Вечером, за семейным ужином, Андрей вскользь объявил о том, что поступает на работу. Илзе радовалась, тесть на словах выразил удовлетворение тем, что разговор не прошел впустую, что Андрей сделал правильные выводы, но выражение лица у него было довольно кислое, чувствовалось, что он рассчитывал на другой исход. Оставалось только набить морду братцу Робу, у Андрея были сильные подозрения, что именно Роб заложил его старшему Вокенаару. Это характеризовало брата Илзе, как конченого подонка, ведь деньги за

траву он брать не забывал.

– Вот так я начал работать, – закончил свой рассказ Андрей и внимательно посмотрел на меня.

Я сидела, потрясенная услышанным. Никогда ранее мне не доводилось сталкиваться с работниками порноиндустрии. Мне всегда казалось, что там должны трудиться люди с отклонениями в психике. За Горошко же никаких отклонений не водилось, а вот, смотри-ка…

– Что молчишь? – мрачно спросил Андрей. – Осуждаешь, что ли?

Я очнулась:

– С чего ты взял?

– Да я маме рассказал, – ответил он, – сдуру и спьяну. Теперь она грозит мне материнским проклятием и отлучением от дома.

Я посочувствовала. В самом деле, только вернуться из чужой страны, где старшее поколение несколько лет выказывало тебе неприязнь (Андрей отметил, что даже после поступления на работу, отношение старшего Вокенаара не изменилось), и наткнуться на то же самое в отчем доме, – это тяжелое испытание для любого человека.

Удивило, что Андрей столкнулся с таким резким неприятием дома, потому что, насколько мне помнилось, мама Горошко была любительницей шумных застолий и легких необременительных романов. Не разводились они с отцом только потому, что оба считали своей обязанностью выраc-

тить ребенка в полной семье. Но как только Андрей свалил в Голландию, папа, посчитав родительский долг выполненным, быстро подал на развод. Оказалось, что на старости лет он встретил женщину, которая относилась к нему несколько иначе, чем мама Андрея. С этой влюбленной дамой папа создал новую семью. Мама пережила нехилый шок, обвиняла папу в предательстве (видимо, позабыв, что все предыдущие годы он смотрел сквозь пальцы на ее похождения), от отчаяния ударилась в религию, и, как это часто бывает, искупала свою прежнюю легкомысленную жизнь показным ханжеством. Посчитав святым долгом поддержать старого друга в тяжелую минуту, я сделала вид, что ничего невероятного в Андрюхиной работе не увидела и невозмутимо продолжила разговор:

– И долго ты там работал?

– Да почти до самого отъезда, – ответил Андрей, настороженно всматриваясь в мое лицо. – На первой студии год отстоял за камерой. Поднабрался опыта, после чего перешел на студию посолиднее.

– А… – начала я. – А у тебя есть с собой образцы продукции?

– Есть, – коротко ответил он.

– Ты собираешься здесь тем же самым заниматься?

– Вряд ли. Я мониторил ситуацию. Для здешнего рынка я слишком квалифицирован, это раз. Второе, – оператору здесь не платят тех денег, к которым я привык. В общем,

поднимать русское порно я не буду.

У меня появились нехорошие предчувствия. Я догадалась, зачем Андрей меня пригласил в ресторан. У него нет работы, и сейчас он будет просить меня устроить его куда-нибудь. Куда можно рекомендовать человека, в активе у которого последнее место работы порностудия, я не могла даже придумать. Такое место работы, конечно, не клеймо на всю жизнь, в застольной беседе этот факт может придать тебе некую пикантность, но вряд ли эту пикантность оценит потенциальный работодатель.

Я не успела произнести вслух, что в моей конторе свободных вакансий нет, но я буду обязательно иметь его в виду, как Андрей неожиданно стукнул кулаком по столу. Сидевшие за соседним столиком девушки испуганно посмотрели в нашу сторону, метрдотель неприязненно взглянул на Андрея и что-то сказал в висящий за ухом микрофон. Буквально через несколько секунд в дверях появился охранник, внимательно осмотрел зал, задержав взгляд на нашем столике, и остался стоять в дверях, напоминая возможным любителям пошуметь, что этот номер здесь не пройдет.

Я быстро прижала руку Андрея к столу, не хватало еще, чтобы нас со скандалом вывели отсюда.

– Пришли мне свое резюме… – начала я.

– Расслабься, Ирочка, – улыбнулся Горошко, – я уже устроился на работу.

С моих плеч свалился тяжелый груз, я сочла возможным

проявить умеренное любопытство:

– Куда, если не секрет?

– Пока секрет, – загадочно улыбнулся Андрей, – но, уверяю тебя, это не менее экзотичное место, чем порностудия.

Конечно же, мне до смерти захотелось узнать, на каком поприще нашел себя Горошко, но он так и не выдал свой секрет. Принесли счет, мы честно посчитали, сколько с кого, расплатились и вышли на улицу. Андрей направился к метро, я поймала машину и через пятнадцать минут уже была дома. Пару дней я раздумывала, позвонить Андрею или нет, но он объявился сам, продиктовал мне новый номер мобильного телефона и вновь исчез. Теперь уже надолго. От Влада и Маринки я узнала, что он встретился с каждым из них, каждому рассказал горькую историю своего недолгого семейного счастья, заинтриговал по поводу работы и пропал. С Ксенией, насколько я поняла, он по какой-то причине не встретился. Она обиделась и отказалась записывать его номер телефона, заявив, что «раз Горошко счел меня недостойной его внимания, то я не буду навязываться».

Поскольку Андрей Горошко так до сих пор никому и не сказал, где он трудится, я полагала, что и Ксения явилась ко мне в комнату, чтобы посильнее заинтриговать. Я ошибалась.

Глава V

– Погаси верхний свет и включи ночник, – скомандовала я.

Щелкнул выключатель, после чего Ксенька тяжело рухнула на мою правую ногу.

– Поосторожней, – проворчала я, высовываясь из-под одеяла.

Ксения никак не отреагировала на мой призыв к осторожности, она держала в руках газету и внимательно ее рассматривала.

– Ты здесь нашла вакансию? – искренне удивилась я, причем спать мгновенно расхотелось, что-то подсказывало, что я присутствую при начале очередной неудачной Ксенькиной авантюры.

Она ничего не ответила, я совсем испугалась:

– Кто сейчас в газетах работу ищет? Вывесила бы свое резюме на сайте. Там, конечно, тоже не стопроцентно, что на жуликов не наткнешься, но все же хоть какая-то гарантия, ведь для работодателей объявления не бесплатны.

Ксения махнула рукой:

– Да заходила я на твои сайты. Толку никакого.

– А в газете, конечно, толк агромадный, – съязвила я, – держу пари, там сплошные гербалайфщики или что-то в этом духе.

– Ну, знаешь ли, – возмутилась Ксения, – не всем же в крупных компаниях работать.

Оказалось, что она позвонила в несколько мест, если совсем точно, то в шесть. По четырем из них оказались конторы по продаже биоактивных добавок. Тамошние работодатели страстно желали видеть Ксению среди своих сотрудников, сулили златые горы, правда, в конце беседы выяснялось, что первую партию товара она должна приобрести за наличные. Суммы варьировались, минимальная составляла около трехсот долларов.

– Я уже стала подумывать, что это не те деньги, о которых надо жалеть, – рассказывала Ксенька. – Я почитала про эти добавки, они очень полезны для здоровья. Думаю, мне бы удалось их распродать достаточно быстро.

Признаюсь, эта фраза меня ужаснула, – я живо представила, как нам придется покупать у нее никому не нужные добавки.

– И когда ты едешь за товаром? – обреченно спросила я.

– С чего ты решила, что я еду? – искренне удивилась Ксения, – я нашла другое место.

Она пошуршала газетой, сложила ее так, чтобы мне было удобно смотреть, и гордо ткнула пальцем:

– Вот, читай!!!

Я прочла обведенное красным фломастером объявление.

Сначала не поверила своим глазам и прочла еще раз, потом еще, потом посмотрела на Ксению и поинтересовалась,

не сошла ли она с ума. Подруга обиделась и обвинила меня в узости мышления и отсутствии здорового авантюризма. Я заметила, что отсутствие авантюризма это, конечно, плохо, но, на мой взгляд, переизбыток авантюризма также не сулит ничего хорошего.

– И как ты собираешься там работать? – язвительно поинтересовалась я, – они же мгновенно раскусят, что ты ничего не умеешь.

Ксения важно кивнула:

– Не раскусят! Во-первых, я подготовлюсь, я уже купила всю необходимую литературу. Во-вторых, я не думаю, что они там сами ах какие специалисты. Скорее всего, такие же, как я.

Я еще раз заглянула в газету, в крайнем левом столбце между вакансией «секретарь на телефоне, удаленная работа» и вакансией «помощник руководителя, работа в офисе, образование не имеет значения» был напечатан следующий текст: «В салон магии срочно требуется сотрудник. Необходимые навыки: умение толковать карты таро. Работа рядом с метро Пушкинская», далее шел телефон, по которому можно было связаться с работодателем, коего звали вполне прозаично Людмила Станиславовна. Судя по номеру, салон на самом деле дислоцировался в центре.

– Ты позвонила этой Людмиле Станиславовне?

– Ну, да, – расцвела Ксения, – очень милая женщина оказалась. Я ей сказала, что опыта у меня немного, она сказала,

ничего страшного, первые несколько сеансов я буду только ассистировать, и только потом мне доверят клиентов.

– Послушай, – терпеливо повторила я, – у тебя ведь не то, что опыта немного, у тебя его вообще нет. Ты карты таро хоть раз в жизни в руках держала?

– Мне гадали, – гордо ответила Ксения, – в магазине «Путь к себе» по четвергам таролог сидит.

Все оказалось еще хуже, чем я предполагала, из бесчисленного множества Ксенькиных затей эта была самая идиотская. На этом фоне увлечение живописью и попытки продать свои картины на вернисаже выглядели как вполне солидный способ заработать себе на жизнь.

– Погоди, – я отложила газету в сторону, – ты собираешься пойти работать в салон магии, я правильно поняла?

Ксения энергично кивнула.

– Я им сказала, что давно чувствую в себе экстрасенсорные способности, но случая применить их на практике не подворачивалось.

– А эта Людмила, как ее там…

– Станиславовна, – подсказала Ксения, – Людмила Станиславовна.

– Да… Эта Людмила Станиславовна, она не поинтересовалась, как же проявлялись твои экстрасенсорные способности, если ты их никогда не применяла?

Ксения задумалась на секунду, а потом безапелляционно заявила:

– Думаю, что им очень нужен человек, а найти никого не могут, поэтому согласны даже на не очень опытного.

Это, конечно, был полный бред, о чем я тут же сообщила Ксении. Она опять надулась и даже ушла в свою комнату. Я посмотрела на часы, – половина второго ночи. Звонить кому-то поздно, даже Владу. Он, конечно, еще не спит, но вряд ли будет счастлив, если я нарисуюсь с рассказом об очередном временном помешательстве Ксении.

В дверях появилась Ксения с пачкой книг. Я вопросительно посмотрела на нее.

– Это литература, нужная для работы, – пояснила она и аккуратно разложила книги на одеяле.

Я бегло просмотрела названия книг и ужаснулась. Тут были и «Советы потомственного колдуна целителя» и «Любовная магия», маленькая брошюра в мягком переплете обещала научить читательниц «Как приворожить понравившегося мужчину», особняком лежали книги по магии Вуду и три средних размеров книжицы «Карты таро: толкование раскладов».

– Что ты собираешься со всем этим делать?

– Для начала прочесть, – сухо ответила Ксения, – а что?

Я наугад раскрыла одну из принесенных ей книг. На шестьдесят второй странице потомственный колдун писал следующее «Порча – это черная энергия, которую посылают с помощью навета или заговора. Очень часто портят землей, песком, яйцами, цветами, принесенными с могилы». Я про-

читала это вслух, потом поинтересовалась у подруги:

– Ты собираешься наводить порчу? Видишь, какое дело хлопотное, надо землю с могил собирать. Неужели ночью на кладбище попрешься?

– Дурочка ты, – разозлилась Ксения, – не наводить, а снимать. Там дальше написано, как снимать ее.

– Интересно, как ты определишь, есть на человеке порча или нет.

– А какая разница? – искренне удивилась Ксения. – Нужно по умолчанию считать, что она есть. И предлагать свои услуги по съему порчи.

Я вынуждена была признать, что идея зарабатывать деньги на человеческих предрассудках не такая уж и глупая. В самом деле, проверить же невозможно. И, даже если после Ксенькиных «процедур по снятию порчи» ситуация не улучшится, всегда можно списать на то, что порчу навел очень сильный колдун и поэтому процедуру надо повторить несколько раз. Я открыла магию любви и тут же наткнулась на рецепт приготовления порошка страсти. Ингредиенты порошка были вполне себе обычные, не нужно было тащиться на кладбище, чтобы там что-то собирать. Все необходимое для приготовления «порошка страсти» можно спокойно купить в аптеке или в магазине по продаже эфирных масел.

– Самое трудное, – неожиданно заговорила Ксения, – выучить сочетания карт таро. Я Людмиле Станиславовне сказала, что на таро гадаю плохо.

Я молчала, увлекшись неожиданным рецептом из «Магии любви», – как сделать, чтобы интересующий тебя человек пришел к тебе. Рецепт был прост, – нужно было всего лишь написать свое имя на подошвах его ботинок. Я дочитала рецепт до конца и в сердцах захлопнула книгу. Чтобы способ подействовал, нужно было писать свое имя смесью из собственной и драконьей крови. Жулики и шарлатаны все эти экстрасенсы и потомственные колдуны. Так что ничего страшного, если еще один жулик в лице Ксении вольется в их ряды. Увлекшись собственными мыслями, я только сейчас обнаружила, что Ксюха увлеченно что-то рассказывает.

– … уже выучила старшие арканы, – подруга разглядывала страницу примерно посередине первого тома «Карты таро: толкование раскладов», – теперь надо выучить младшие.

Она перелистнула еще пару страниц и пожаловалась:

– Сочетания, вот где основная засада. В разных сочетаниях одни и те же карты означают разные вещи.

Я спросила, как быстро она собирается все это выучить.

– Время, конечно, понадобится, – согласилась со мной Ксения, – но Людмила Станиславовна сказала, что запоминаться лучше будет в работе.

Уже второй раз за последние пять минут прозвучало имя Людмилы Станиславовны, работницы сферы оккультных услуг. Не знаю почему, но меня это покоробило, хотя, по идее, не должно было. Такое поведение для Ксюхи было вполне типичным. Как только она задумывает новый проект,

в ее жизни появляются новые люди, и на какое-то время эти люди становятся важнее, чем старые друзья. Она без конца их цитирует, прислушивается к их мнению и отчаянно спорит, когда мы пытаемся открыть ей глаза на то, что ее просто в очередной раз дурят и обманывают. Последний случай, – Алексей. Влад, увидев его в первый раз, мгновенно поставил диагноз – «женат». Замечу, что он угадал даже количество детей. Ксения тогда на Влада обиделась, на некоторое время перестала ему звонить и вышла на контакт только после неприятной находки в виде записи о бракосочетании с Еленой Вениаминовной. Я тяжело вздохнула:

– Когда ты встречаешься с этой Людмилой Станиславовной?

– Послезавтра, – просияла Ксения.

– А почему не завтра?

– Мне надо подготовиться, – уклончиво ответила она, собрала книжки с одеяла, пожелала мне спокойной ночи и удалилась.

Я выключила свет и некоторое время лежала в темноте, размышляя над причудливостью человеческих отношений. Несмотря на все Ксюхины тараканы, я ее люблю, хотя иногда она доводит меня до белого каления своим упрямством. Вот хоть сейчас, – устройство на работу в салон магии. Кто бы сказал нам в студенческие годы, что Ксения Федосеева пойдет в колдуньи, со смеху бы умерли. Причем громче всех смеялась бы сама Ксения. И ведь прекрасно понимает, что

долго она в этом салоне не продержится, так нет, готовится так, как будто будет работать там до конца дней своих. Я вздохнула, перевернулась на правый бок и заснула.

Глава VI

На следующий день я освободилась относительно рано. Поскольку проживание Ксюхи в моей квартире подходило к концу, я решила устроить маленький прощальный вечер, для чего зарезервировала столик в любимом пивном ресторанчике. Однако на мои звонки подруга не отвечала. Я, было, подумала, что она на собеседовании в своем магическом салоне, но быстро вспомнила, что собеседование перенесено на завтра. Она навешала лапшу о своей ужасной занятости тамошней Людмиле-не-помню-как-ее-отчество.

В половине восьмого вечера, прошатавшись три часа по магазинам, я отменила заказ столика и поехала домой. Ксении не было, прождав полчаса, я в очередной раз набрала ее номер. Она ответила почти сразу, сообщила, что слышала мои звонки, но подойти не могла, так как все это время находилась в салоне красоты, где ей радикально меняли внешность.

– Скоро буду, – пообещала она и отключилась.

Видимо, она была уже недалеко от дома, примерно через пятнадцать минут в замке повернулся ключ, входная дверь распахнулась, я взглянула на Ксению и потеряла дар речи.

Ксения – девушка симпатичная. Волосы у нее темно-русые от природы, глаза серо-голубые, брови негустые и очень светлые. Облик приятный и нежный, она немного похожа

на женщину с картины Ренуара «Портрет актрисы Жанны Самари». Была похожа… До сегодняшнего вечера. Женщина, которая сейчас стояла на пороге моей квартиры, более подходила под описание, данное Александром Сергеевичем Пушкиным Марии Кочубей: «Вокруг высокого чела как тучи локоны чернеют…». Мастера из салона красоты потрудились на славу, – кроме черных локонов, они «нарисовали» Ксюхе соболиные брови, размер которых примерно раза в три превышал тот, что отпустила ей природа.

– Ну, что скажешь? – спросила Ксения, переминаясь с ноги на ногу.

Я вздохнула и бестактно спросила:

– И зачем, спрашивается, ты такое с собой сотворила?

Подруга смутилась:

– Профпригодность… – прошептала она.

– Что?

– Сама знаешь, – торопливо заговорила Ксения, – на картах я не могу, сверхъестественными способностями не обладаю, порчу снимать только-только научилась… И еще неизвестно, получится ли у меня…

– Это все я знаю, – перебила я, – Я ж не то спрашивала. За каким чертом ты выкрасилась в черный цвет? Или это у них требование такое?

– Настоящая колдунья или ведьма обязательно брюнетка, – сообщила Ксения.

– Это кто тебе такую глупость сказал?

– В интернете посмотрела. Нашла целый сайт, посвященный современным ведьмам. Так там только две девочки рыжие, остальные все брюнетки.

Она открыла сумку:

– Да, вот еще, чтобы облик был цельным.

Ксения вытащила из недр сумки коробочку с контактными линзами.

– Вот, купила еще. Только не ругайся, – быстро сказала она, заметив, что я открываю рот. – На распродаже купила, недорого. Именно на эту модель чумовая скидка была, потому что цвет неходовой, черный. Народ больше голубые покупает.

Она метнулась в ванную, тщательно вымыла руки и попыталась вставить линзы в глаза. С непривычки линза выскользнула из мокрых Ксенькиных пальцев и плавно приземлилась на кафельный пол.

– Там, в сумке, – скомандовала Ксения, пытаясь ногтем подцепить линзу, – жидкость специальная для мытья линз. Достань, пожалуйста.

Пока я искала бутылочку со специальной жидкостью, Ксения успела уронить и вторую линзу. Пришлось доставать ни разу не использовавшуюся чашку, мыть ее горячей водой, споласкивать кипятком, заливать туда купленную жидкость, после чего в чашку торжественно были опущены линзы.

Мы наклонились над чашкой:

– Сколько их держать в растворе? – спросила я.

– Не знаю, – ответила Ксения, – давай подождем пару минут, чтобы лучше продезинфицировались.

Наконец, с большим трудом линзы были вставлены. Ксения сделала шаг назад, чтобы я могла оценить ее новый облик.

– Ну, впечатляет?

– Впечатляет, – согласилась я.

И в самом деле, впечатляло. Не зря матушка природа награждает темным цветом глаз людей из южных краев. Большие карие или черные глаза – это красиво. У Ксении глаза не очень большие и довольно глубоко посаженные. Серо-голубой цвет эти недостатки неплохо скрывал. Сейчас же она выглядела так, как будто ей под бровями забили два маленьких гвоздика с черными шляпками.

– У тебя во сколько завтра собеседование?

– В три, – Ксения заморгала, – как это вытащить???

Я сунулась в инструкцию, совместными усилиями мы извлекли линзы и положили их в чашку с раствором.

– Лучше все же не рисковать, – заметила я, – во время интервью ты должна чувствовать себя уверенно. У тебя и так есть несколько слабых пунктов, если говорить о профессиональных навыках. А если ты будешь все время моргать и думать, как бы линзы не выскочили, разговор может совсем не задаться.

Ксения согласилась со мной. Чтобы не дать ей возможности передумать, я самолично выбросила линзы в унитаз под

аккомпанемент Ксенькиных вздохов. Мы договорились, что как только она выйдет с собеседования, сразу же наберет меня.

При любом исходе. В глубине души я надеялась, что Людмила Станиславовна раскусит Ксению на раз-два. В магов, ведьм и колдунов я не верю, но считаю, что в таких салонах должны работать специалисты с психологическим образованием, или, как минимум, хорошо разбирающиеся в людях.

Ксюха же, история с Алексеем очередное тому подтверждение, в людях разбирается плохо, против опытного «душеведа» она не выстоит и пятнадцати минут, после чего будет с позором изгнана. И, странное дело, я знала, что Ксении будет обидно, если ее не возьмут, я знала, что ей сейчас очень нужна работа и нужны деньги, я знала, что шансы найти приличную работу у нее невелики… Но, несмотря на все это, я почему-то страшно не хотела, чтобы ее взяли в этот магический салон. Нежелание было столь сильным, что я даже попыталась это проанализировать, но так и не пришла ни к какому выводу. Попытки убедить себя, что надо смотреть на все как на веселую игру, на развлечение (нельзя же всерьез думать о карьере в этой области), также не дали результата. Я сидела на работе, ждала ее звонка, и с каждой минутой мне становилось все тревожнее и тревожнее…

Наконец я не выдержала и набрала ее. Приятный женский голос сообщил, что абонент вне зоны действия сети и предложил перезвонить позже. Я пыталась дозвониться до Кс-

нии в течение почти трех часов, – безуспешно. Домой я ехала мрачная, попала в пробку, что также не улучшило настроения. К моему удивлению, окна в квартире горели, стало быть, Ксения уже дома. На всякий случай я еще раз набрала ее номер, телефон по-прежнему не отвечал.

Она действительно была дома, – собирала свои вещи в большую дорожную сумку.

– Ты куда, на ночь глядя? – спросила я.

– Больше не хочу тебя стеснять, – ответила она.

Тон ее показался мне подозрительным. Мы, конечно, обговаривали, что она вернется к себе сразу после получения первого взноса от жильцов. Но как-то странно все совпало, ее собеседование в оккультном салоне и такие нарочитые сборы.

Я направилась в ванную, по дороге заглянула в Ксенькину комнату:

– Как прошло собеседование?

Она странно и недобро посмотрела на меня, запихнула в сумку стопку маек и процедила сквозь зубы:

– Нормально.

– Когда приступаешь к работе? – я сделала вид, что не заметила ее недружелюбный тон.

– Сегодня уже работала.

– Неужели? – ахнула я. – И как?

– Нормально.

Ксения затолкала в сумку пакет с обувью и застегнула

молнию. Она явно не была настроена на длительную задушевную беседу.

– Какая муха тебя укусила? – спросила я.

Опять короткий недобрый взгляд, после чего она отвела глаза в сторону:

– Никакая. Не хочу больше тебя стеснять.

Я немного покривила душой:

– И вовсе ты меня не стесняешь.

Ксения вышла в коридор и протянула мне ключи от квартиры. Я сделала последнюю попытку:

– Давай я тебя отвезу домой, поздно уже.

– Спасибо, я вызвала такси.

У нее зазвонил мобильник.

– Да… Да, второй подъезд. Что, что? Серебристая Дэу леганза, номер восемьсот сорок девять… Спасибо, я выхожу.

Она открыла входную дверь.

– Машина пришла.

Я пожала плечами, в конце концов, если она по какой-то причине на меня обиделась, лучше всего дать ей эту обиду переварить. Ксения – она такая, придумает себе что-то и начинает накручивать, при этом тебе ничего не говорит, считает, что ты должен сам догадаться, что, как и почему. Когда мы только познакомились (тому уж лет восемнадцать будет), я пыталась ей звонить, спрашивать, отчего она только еще больше дулась и замыкалась в себе. Один раз я пожаловалась Владу. Бубен сообщил, что я не одинока, что и на него Кс-

ния периодически «рисует зуб». На мой вопрос, как ему удается помириться с ней, Бубен, будучи мужчиной нечутким, ответил, что когда Федосеева начинает хандрить и бросаться на людей, он просто перестает с ней общаться. Оказавшись в информационном вакууме, она очень скоро сама выходит на связь.

– Как доедешь, позвони, – спокойно сказала я.

Ксенька явно удивилась и даже замешкалась в дверях, видимо, она ждала другую реакцию.

– Ну, я пошла, – полувопросительно сказала она.

– Да, конечно, я закрою за тобой дверь.

Поводов задерживаться больше не было, Ксения подхватила сумку и вышла, сильно хлопнув дверью, а я отправилась в душ. В ванной комнате я с удивлением обнаружила, что Ксения перед своим эффектным уходом навела чистоту: все краны блестели, раковина была начищена до белоснежного цвета, и даже на моей расческе не было ни единого волоса.

В нормальном состоянии Ксенька не отличается любовью к порядку, но тут, видимо присутствовало желание что-то мне доказать. Ничем иным ее трудовой подвиг объяснить невозможно.

Глава VII

Последующие два месяца от нее не было ни слуху, ни духу. Я хотела позвонить ей сама, но Бубен меня отговорил.

– Вот зачем ты сама нарываешься на неприятности, – громко ругался он. – Я ж сказал тебе, когда ей надоест обижаться, она позвонит сама.

Я прислушалась к его совету, первые недели три еще дергалась, а потом, за бесконечными авралами на работе, както даже подзабыла про Ксюху, и не вспоминала про нее до начала ноября. На работе нарисовалось относительное затишье, причем не только у меня. Позвонила Маринка Кожевникова и тоже пожаловалась на застой.

– Ни у кого толковых новостей нет, – бурчала она в трубку, – приходится перепевать все старье на новый лад.

Я выразила умеренное сочувствие нелегкой журналистской доле. Маринка, почуяв слабину, тут же вцепилась в меня как клещ.

– У вас ничего нового? Два месяца назад ваш генеральный намекал, что будете приобретать какой-то актив…

Я молчала, сделка была на стадии завершения, поэтому было совершенно нежелательно, если бы хоть какая-нибудь информация просочилась в прессу. Маринка сделала несколько заходов: от уверений, что не назовет источник информации до напоминаний о старой дружбе. Я твердо стоя-

ла на своем, – ничего сообщить не могу, и точка. Наконец, она сдалась. Я подумала, что надо бы как-то скомпенсировать Маринке затраченное на меня время, например, подкинуть ей идею для статьи. И тут меня осенило.

– Послушай, – перебила я очередную Маринкину тираду, – ты еще сотрудничаешь с тем глянцевым журнальчиком?

– Это с каким? – тут же включилась она, почувствовав, что разговор пошел по делу.

– А вот куда ты пристраивала серию статей на тему «как стать для него единственной», – уточнила я.

– Ах, с этими, – она на мгновение замолчала, а потом радостно произнесла. – Я про них забыла, а ведь, в самом деле, можно к ним что-нибудь пристроить. Давай ты дашь им интервью?

– В качестве кого? – спросила я.

– У них есть рубрика – «женщина профессионал», где рассказывается о необычных профессиях.

– Тоже мне, нашла необычную профессию, – рассмеялась я, – что такого необычного в профессии пиарщика? Лучше возьми интервью у Ксении.

– У Ксюхи? – Маринкин голос звучал разочарованно, – про ее картины, что ли, написать?

– Какие картины, ты отстала от жизни. Картины – это уже пройденный этап. Она теперь у нас сотрудник сферы оккультных услуг.

– Чего? – не поверила Маринка, – Как это?

– Она тебе давно звонила?

– Да… Месяца два, пожалуй, ни слуху, ни духу от нее. Вот как от тебя съехала, так и пропала.

– Так ты не в курсе, – радостно начала я…

В последующие полчаса Маринка удивленно ахала, переспрашивала и тщательно фиксировала сообщаемую мной информацию. Под конец она деловито поинтересовалась, есть ли у меня фото Ксении, желательно в каком-нибудь экзотическом виде. Я припомнила, что где-то у меня хранятся фотографии с новогоднего карнавала. Я там в костюме Арлекина, Ксения – в костюме гадалки. На одной фотографии Ксения, сидя за круглым столиком, делала вид, что гадает. Маринка сказала, что такая фотография вполне годится, и попросила фотографию отыскать и скинуть ей на почту.

На этом мы закончили разговор. Я немедленно включила компьютер и стала шарить по папкам в поисках фото, нашла и отправила Маринке. На следующий день я получила подтверждение, что письмо она открыла, а потом пришел короткий ответ. Маринка благодарила меня за фото и сообщала, что дозвониться до Ксении так и не смогла. Я удивилась, набрала Ксенькин номер, выслушала сообщение о временно отсутствующем абоненте. Чуть позже на работе нарисовалась проблема, один из наших больших начальников зачем-то выдал журналистам очень секретные цифры очень секретного плана, после чего связался со мной по внутреннему телефону и заявил, что моя задача, – сделать так, чтобы

об этом не написали.

В одиннадцать часов вечера я закончила последние переговоры, клятвенно заверив корреспондента из дружественного журнала, что, как только по этому вопросу появится какая-то новая информация, он будет первым, кому я об этом сообщу. Повесив трубку, я решила перед уходом выпить чаю. Пока нагревалась вода, я набрала домашний номер Ксении. В трубке раздавались унылые гудки. Я решила досчитать до десяти и отключиться. После седьмого гудка на том конце провода кто-то снял трубку. Неведомый респондент не произнес ни слова, и можно было даже подумать, что это гудки пропали из-за сбоя сети, если бы он так громко не дышал в микрофон.

– Алло, – сказала я, человек не ответил, – алло, алло…

Скорее всего, я не туда попала. Трубку сняла какая-нибудь страдающая старческой бессонницей бабуля, а молчит – в силу подозрительности, развивающейся с возрастом. Я повторила набор. На этот раз трубку сняли быстрее, как если бы человек стоял рядом с телефоном. На четыре мои «алло» не было произнесено ни единого слова. Я уже собралась отключиться, как вдруг невидимый собеседник решился на контакт.

– Ты кто? – требовательно произнес в трубку детский голос.

Ну, точно, не туда попала.

– Извините, – озвучила я свою догадку, – наверное, я не

туда попала.

– Ты кто? – повторил голос, никак не отреагировав на мои извинения.

Я решила представиться, после чего попрощаться и на этом закончить разговор. Однако, услышав мое имя, голос немного оживился и сообщил, что «Ксения о тебе рассказывала». Значит, я все-таки попала, куда надо. Вопрос только в том, кто мне отвечает. Замужем Ксения никогда не была, детей у нее нет. Может, какие родственники приехали?

– А тебя как зовут? – спросила я у голоса.

– Я Сережа, – сообщил голос.

– Позови, пожалуйста, Ксению, Сережа.

– Не могу, – ответил мальчик, – ее нет.

Я машинально взглянула на часы, почти полночь, однако.

– А куда она пошла? – продолжила я допрос.

Сережа оказался очень немногословным мальчиком:

– На работу, – произнес он и опять замолчал.

– Давно она пошла на работу?

– Утром.

– Она звонила?

– Нет.

Я подумала и задала еще один уточняющий вопрос:

– Что, как с утра ушла, не звонила и не возвращалась?

Мой немногословный собеседник задумался, но потом все же ответил. Так, очень медленно, я вытянула из Сережи некоторую информацию. Правда, нельзя сказать, что эта ин-

формация сильно прояснила картину. Выходило, что Ксения утром отвела Сережу в детский сад (услышав это, я ненадолго впала в ступор), по дороге в сад он просил ее купить мороженое, но она не купила, потому что палатка не работала, и Ксения обещала, что купит вечером. А вечером, когда они опять шли через парк, палатка работала, но Ксения опять мороженое не купила, потому что страшный дядька стоял за кустами, и они быстро пошли домой, не стали задерживаться. А когда они пришли домой, Ксения дала ему шоколадку и сказала, что уйдет ненадолго по делу. Шоколадку он съел, а Ксении все еще нет. Он включал телевизор, но мультики кончились, и ему скучно. Я задала еще один уточняющий вопрос. Нет, Ксения не звонила. Но она должна прийти скоро, потому что обещала вернуться. В общем, было ясно одно, – в настоящий момент у Ксении живет какой-то ребенок. Я поинтересовалась возрастом собеседника. Оказалось, что Сереже скоро будет шесть, и Ксения обещала, что он пойдет в школу. К сожалению, это не объясняло, откуда взялся Сережа, и куда пропала вышедшая ненадолго Ксения. Я посмотрела на часы, – обе стрелки почти вплотную стояли к отметке «полночь».

– Послушай, – предложила я Сереже, – меня зовут Ирина, я подруга Ксении. Давай я к тебе заеду, вместе ее подождем?

Мое предложение застало Сережу врасплох. Он думал не менее пяти минут, после чего сообщил, что Ксения не разрешает ему открывать дверь посторонним, и, не попрощав-

шись, повесил трубку, видимо, решил, что разговаривать нам больше не о чем.

К Ксениному дому я подъехала без четверти час. Припарковалась, вылезла из машины. Ее окна горели, я достала мобильник. На этот раз Ксения взяла трубку.

– Привет, – как можно непринужденнее сказала я.

– Здравствуй, – суховато ответила Ксения и замолчала, явно не желая продолжать разговор.

– Я тут мимо тебя проезжаю, – я сделала вид, что не замечаю ее нежелания общаться, – давно не виделись, могу заскочить на несколько минут?

Она стопудово хотела отказать, но я не дала ей вставить слово:

– Да, кстати, что за молодой человек у тебя проживает?

– Откуда ты знаешь? – с подозрением спросила она.

– Я с ним сегодня по телефону разговаривала.

– Черт, – в сердцах выругалась Ксения, и сразу же, в сторону, – Сережа, я же сказала, что к телефону не подходить.

Было слышно, как мальчик что-то ответил, Ксения зажала трубку рукой, некоторое время не доносилось ни звука. Вернулась в разговор она неожиданно, я даже вздрогнула.

– Ну, раз приехала, поднимайся…

Глава VIII

Когда Ксения открыла дверь, я сразу же отметила, что работа в сфере оккультных услуг не пошла ей на пользу. Она сильно похудела, глаза ввалились, лицо стало неприятного желтоватого оттенка. Пожалуй, ей теперь не нужно наносить устрашающий макияж, чтобы выглядеть как колдунья.

– У тебя со здоровьем все в порядке? – выпалила я, не поздоровавшись, настолько меня потряс болезненный вид подруги.

– Почему ты меня об этом спросила? – в голосе Ксении явственно зазвучали подозрительные нотки.

– Похудела, выглядишь неважно, – честно ответила я, – Или ты опять села на безуглеводную диету?

Она не успела ответить, из комнаты в коридор вышел маленький мальчик. Из телефонного разговора я знала, что ему шесть лет, но выглядел он года на четыре, – худенький, какой-то болезненный, выражение лица несколько отсутствующее, как у детей, имеющих проблемы с коммуникацией. Поскольку Ксения не выказывала желания пригласить меня войти, я воспользовалась моментом, шагнула через порог, не слишком вежливо отодвинув хозяйку плечом, и протянула руку.

– Здравствуй, Сережа. Я Ирина, мы с тобой сегодня разговаривали по телефону.

Он быстро взглянул на Ксению, она слегка кивнула, мальчик сунул мне свою ладошку.

– Здравствуй.

– У вас тут ни одного круглосуточного супермаркета нет, – громко сказала я, продвигаясь в комнату, – ничего к чаю не захватила.

– Спасибо, нам ничего не нужно, – ответила Ксения, прошла за мной в комнату и встала в дверях, скрестив руки на груди.

Сережа тоже просочился в комнату, присел на диван и теперь смотрел на меня во все глаза, как будто изучал.

– Вижу, у тебя в семействе пополнение, – я продолжала в упор не замечать Ксенькиной недоброжелательности, – откуда сей прелестный отрок?

Ксения поняла, что я не отстану, и нехотя ответила:

– Это мой племянник, сын двоюродной сестры.

– На каникулы приехал?

Я произнесла это и тут же вспомнила, что Сережа пока не ходит в школу.

– Нет, – сухо ответила Ксения, – сестра заболела, пришлось его к себе забрать.

– Надолго? – спросила я и осеклась, очень уж нелюбезно взглянула на меня Ксения.

– Тебе спать пора, – обратилась она к Сереже, – а ты еще зубы не чистил.

Мальчик сполз с дивана и поплелся в ванную, Ксения

быстро подошла ко мне:

– Послушай, какого черта ты приехала? Что ты здесь вынюхиваешь? Думаешь, что и дальше сможешь вредить? Как я тебя раньше не раскусила, не знаю. Хорошо, нашлись люди, которые мне на тебя глаза-то раскрыли…

Она метнулась на кухню, а я замерла. Совершенно очевидно, что у Ксении поехала крыша. Неудачный роман с Алексеем, разочарование, а теперь еще и работа в магическом салоне, где вместо нормальных людей – глупые тетки, желающие узнать свое будущее или приворожить обратно мужа. Похоже, этого оказалось слишком много.

Я начала потихоньку, стараясь не делать резких движений, отступать к выходу. До входной двери оставалось не более четырех секунд, как из кухни выскочила Ксения с бутылкой воды в руках, на ходу она отвинчивала крышку, явно намереваясь вылить на меня содержимое бутылки. Мелькнула суетливая мысль о серной кислоте, но я тут же отругала себя за мнительность, вряд ли кто хранит серную кислоту в пластиковой бутылке.

– Ухожу, ухожу, – я успокаивающе вытянула руки перед собой, – просто хотела тебя увидеть.

– Знаю, что хотела, – Ксения бросила крышку на пол, вылила себе на ладонь немного воды и брызнула на меня, бормоча какие-то слова.

Глаза у нее стали совершенно безумные, я нащупала за спиной замок, повернула ключ и пулей выскочила из став-

шего таким негостеприимным Ксенькиного дома.

Только выйдя во двор и сев в машину, я почувствовала себя в относительной безопасности. Перед тем, как уехать, я еще раз посмотрела на Ксенькины окна. Два, кухня и спальня были темны, свет горел только в гостиной. В окне торчали два силуэта, – Ксения и мальчик Сережа. Мне показалось, что они смотрят прямо на меня (впрочем, вполне возможно, что так оно и было, я припарковалась прямо под фонарем, а Ксения прекрасно знает мою машину). От вида этих двух темных голов мне стало жутко.

Всю ночь мне настойчиво снилась какая-то чушь, пришлось даже дважды вставать и пить снотворное, – в три и в пять часов утра. Пятичасовой прием оказался эффективным, я задремала, но почти сразу же была разбужена мерзким звоном будильника. Мне казалось, что проспала я не больше пятнадцати минут, но, если верить стрелкам, выходило, что прошло уже два часа. Я открыла глаза, на душе было пакостно, – такое ощущение «праздника наоборот».

Давным-давно, когда я еще верила в Деда Мороза, в канун праздника родители клали подарок мне под подушку. И утро следующего дня, будь то день рождения или Новый Год, было очень приятным. Еще не открыв глаза, я просыпалась с ощущением, что сегодня день будет удивительным, что-то обязательно произойдет, и это «что-то» будет очень хорошим. Сегодня я тоже проснулась с ощущением скорых перемен, только, в отличие от ощущений детства, сегодня

я была совершенно уверена, что события, которые произойдут, окажутся очень и очень неприятными.

Приехав на работу и прочитав мониторинг, я убедилась, что мой индикатор неприятностей работает исправно. Вчерашний прокол руководства не удалось полностью купировать. Информация все-таки вышла, правда, в сильно обрезанном виде, но ее оказалось вполне достаточно, чтобы информационные агентства перепечатали текст. Начальство гневалось и топало ногами, требуя немедленного снятия уже вышедшего материала. Спорить бесполезно, я плотно села на телефон и через полтора часа пакостный материал был удален из первоисточника. Я еще раз контрольно набрала ключевые слова в поисковике, кликнула на выпавшие ссылки, убедилась, что все они не работают, и отписала руководству, что задание выполнено.

Теперь можно было пойти пообедать. Неприятности закончились, вторую половину дня я рассчитывала провести относительно спокойно. Ожидания мои не оправдались. Я успела съесть салат и полтарелки супа, как зазвонил мобильный телефон. Высветившийся номер был мне незнаком, поэтому я немедленно ответила. У меня есть правило, – всегда отвечать на незнакомые звонки. Будь сейчас на дисплее номер Влада или Маринки, я бы даже не подумала прерывать обед. Исключение, в свете последних событий, составляла Ксения. Если бы она мне позвонила, я обязательно сняла бы трубку. Однако незнакомый номер, – это совершенно

другой разговор. Это может означать, что некто успел прочесть информацию и теперь жаждет услышать комментарии. И лучше будет, если первой с этим человеком переговорю я, а не кто-то из аналитиков. Я положила ложку на стол и решительно сняла трубку.

Пронзительный женский голос никак не мог принадлежать аналитику.

Налоговая? Вряд ли, декларацию я заполнила и сдала вовремя. Страховая компания? До окончания срока страховки еще полгода. Платежи за коммунальные услуги и телефон я тоже плачу исправно.

Пронзительный голос не стал долго держать меня в неведении. Выяснив, что я и есть Ирина Котельникова, голос поинтересовался, знакома ли я с Ксенией Федосеевой. Я подтвердила знакомство с упомянутой Федосеевой. В таком случае, продолжила свою речь женщина, не могу ли я подъехать в институт Склифосовского. Это было настолько неожиданным, что я даже переспросила.

– Куда, куда?

– В Склифосовского, – терпеливо повторила женщина, чувствовалось, что такая реакция ей не в новинку.

И, предваряя мой следующий вопрос, сказала:

– Сегодня утром Ксению Федосееву доставили к нам с переломом черепа. Она без сознания. Вот только сейчас разобрали ее вещи, в мобильном телефоне ваш звонок был последним. Мы решили, что, раз вы звоните ей ночью, стало

быть, знакомы довольно близко.

– Я сейчас приеду, – быстро произнесла я.

– Подождите, – сказала женщина, – запишите, куда идти.

Я записала.

– Меня к ней пустят?

– Нет, – ответила женщина, – операция закончилась полчаса назад, она сейчас в реанимационном отделении, туда никого не пускают. Вы не знаете, у нее есть родственники?

На этот вопрос я ответить не могла. Я знала, что Ксения родом из Ростова, там у нее наверняка должна быть какая-то родня. Тут меня осенило.

– Сестра у нее есть в Ростове, – сообщила я сотруднице института Склифосовского, – и племянник. Сестра двоюродная, сейчас болеет. Тоже… – зачем-то добавила я, как будто проломленная голова это болезнь.

– В Москве есть кто-нибудь? – продолжала допытываться дама.

– Нет, в Москве нет, – ответила я и тут же засомневалась, а вдруг я ошибаюсь, вдруг у Ксении за эти два месяца кто-то появился.

Через час я уже беседовала с сотрудником полиции, приехавшим в больницу на случай, если пострадавшая придет в себя и сможет что-нибудь рассказать. Сотрудник маялся там уже довольно продолжительное время, но обратно на службу не уезжал, хотя прооперировавший Ксению хирург однозначно сказал, что сегодня она в сознание не придет. Как

очень скоро выяснилось, сотрудник дожидался меня. Мой звонок зафиксировался в телефоне Ксении в ноль часов сорок пять минут утра. Больше никаких звонков не было, и сама Ксения никому больше не звонила. А через семь с половиной часов мужчина, выгуливавший собаку, обнаружил ее лежащей в овраге, в пятидесяти метрах от хорошо протоптанной тропинки, по которой жители Ксенькиного микрорайона сокращали дорогу к автобусной остановке.

Несмотря на то, что тропу протоптали уже лет как десять, муниципалитет не спешил ее асфальтировать, с непонятным упорством меняя асфальт на дороге, запланированной генеральным планом благоустройства района. Однако несознательные граждане не желали жить в соответствии с генпланом и продолжали ходить народной тропой, несмотря на то, что в периоды осенней слякоти и весеннего таяния снегов, тропа становилась малопроходимой. В последние две недели дождей не было. Мужчина, проживающий, как выяснилось в процессе следствия, в соседнем с Ксенией подъезде, выбежал на утреннюю прогулку со своим спаниелем. Углубившись в лесной массив, мужчина спустил собаку с поводка. Ведомый охотничьим инстинктом, спаниель рванул на запах крови и никак не реагировал на крики хозяина. Пришлось тому сходить с тропы и тащиться к оврагу, где он и обнаружил Ксению. Думаю, что оказавшийся не в то время не в том месте владелец прыткого спаниеля немедленно был внесен в список возможных подозреваемых. Однако ж, у

него оказалось убедительное алиби, – в предполагаемое время нападения он объяснялся с соседом, который, несмотря на неоднократные предупреждения, продолжал захламлять общий коридор своими вещами. Показания недружественно настроенного соседа выглядели вполне убедительными, собаковод был вычеркнут из списка подозреваемых, перебазировавшись в список свидетелей.

После тщательного осмотра вещей потерпевшей, выяснилось, что звонила она крайне редко, и, в основном, на работу, а ей звонили еще реже. Если не считать моего ночного звонка, предыдущий входящий вызов был двухдневной давности. Естественно, сотрудники правоохранительных органов так сильно желали пообщаться со мной, что вызвали меня в больницу, – побеседовать, так сказать, в неформальной обстановке.

То, что они подозревают меня, я сообразила далеко не сразу. Поэтому сначала наша беседа складывалась нетрадиционно, – я задавала вопросы, сотрудник полиции пытался на них ответить. Спохватился он только когда я спросила, что с мальчиком Сережей? Оказалось, что про Сережу никто ничего не знает. Я взглянула на часы, – половина четвертого. Детские сады работают максимум до пяти, и в одном из них сейчас сидит племянник Ксении и ждет, когда она за ним придет, а она не только не в состоянии прийти, но даже не может сказать, в какой садик ходит Сережа. Я немедленно поделилась своими опасениями с сотрудником

полиции. Он поинтересовался, откуда я знаю про Сережу и я, святая простота, выложила все про вчерашний свой ночной визит в квартиру Ксении. Примерно на середине рассказа я сообразила, что сотрудник вполне может истолковать изложенные факты по-своему. Первый же вопрос убедил меня, что он именно так их и истолковал. Сотрудник, нимало не стесняясь, поинтересовался, не произошла ли вчера между мной и Ксенией ссора. На самом деле вопрос был идиотский, так как я только что сама, без принуждения, поведала ему, как нелюбезно встретила меня подруга. Аккуратно подбирая слова (и так уже наговорила на 105-ю), я рассказала о летнем романе Ксении, о том, чем закончился этот роман, что ей пришлось несколько недель обитать у меня. Личностью Алексея сотрудник заинтересовался чрезвычайно, а уж после того как я сообщила, что Алексей, можно сказать, украл у Ксении все деньги, спросил, есть ли у меня координаты Ксенькиного женатого кавалера. Я с мстительной радостью продиктовала номер мобильного телефона. Сотрудник записал его и отметил, что они обязательно проверят, занесен ли этот номер в телефонную книгу Ксении.

– Она могла и стереть его номер, – доверительно сообщила я, – Ксения очень эмоциональная женщина.

Сотрудник лихо строчил в блокноте. Некоторое время я наблюдала, как он записывает, пока мой взгляд не упал на часы, висящие над столиком дежурной медсестры. Часы показывали четверть пятого. Я не стала дожидаться, пока со-

трудник задаст мне очередной вопрос, отвлекла его от записей и поинтересовалась, установили ли они, в какой детский садик ходит племянник Ксении Сережа. Сотрудник, сделавший в процессе беседы несколько звонков и продиктовав кому-то номер телефона и основные данные Алексея, непонимающе уставился на меня. Он был полностью поглощен разработкой новой, перспективной версии убийства на почве неприязненных личных отношений между бывшими любовниками. Племянники в стройную картину преступления не вписывались никоим боком. Сотрудник с трудом оторвался от записей, похоже, про Сережу он просто-напросто забыл. Первый же вопрос подтвердил мои опасения:

– Кто ходит? Куда?

– Племянник, – раздраженно ответила я, – племянник Ксении, Сережа зовут. Я вам про него рассказывала. Она его утром в детский сад водит…

И тут я вспомнила, вспомнила фразу из не слишком содержательной беседы с юным Ксенькиным родственником.

– Держу пари, – выпалила я, – что на Ксению напали, когда она отвела Сережу в садик. И мальчик видел нападавшего. Этот мужчина спланировал свое преступление давно.

– Откуда вы знаете, что это мужчина? – быстро спросил сотрудник.

Я вытащила из рукава почти забытый в суматохе козырь:

– Да потому что он мне по телефону рассказал про «страшного дядьку», который «прячется за кустами».

– Что ж вы раньше молчали? – напустился на меня сотрудник. – Морочили голову своим Алексеем.

– Я забыла, – отбивалась я, – со всеми этими волнениями просто забыла. А сейчас вспомнила про Сережу и вспомнила его вчерашние слова. Хотя…

Я сделала паузу, сотрудник немедленно переспросил:

– Что «хотя»?

– Мальчик, как бы это помягче выразиться, немного странный. Ксения ему мороженое не купила, про дядьку вполне мог нафантазировать. С детьми такое бывает.

Он согласился, что такое бывает, но все равно нужно как можно быстрее разыскать Сережу и расспросить его, что произошло сегодня утром. Я предложила ему начать поиски немедленно, а не тратить время на разговоры со мной. Сотрудник насупился, но все же признал мою правоту, вытащил мобильный телефон и набрал номер. Судя по разговору, звонил он тем же самым людям, которых не позднее, чем полчаса назад, подпрягал на розыски Алексея. Даже с моего места было слышно, что люди недовольны такой частой сменой заданий. Однако упоминание о возможном свидетеле нападения настроило его коллег на рабочий лад. Им потребовалось не более четверти часа, чтобы выяснить, в какой из окрестных садиков ходит мальчик Сережа Федосеев (двоюродный племянник Ксении носил, оказывается, ее фамилию). Сотрудник (в самом начале нашей беседы он представился, звали его совсем по Лермонтову, Максимом Макси-

мовичем) протянул мне вырванный из блокнота листок бумаги.

– Вот адрес садика. Мальчик там, ждет, когда его заберут. За ним уже поехали.

– Подождите, – перебила его я, – напугаете ведь ребенка. Давайте лучше я поеду, меня он, по крайней мере, уже видел.

Максим Максимыч на секунду задумался, потом согласно кивнул и опять схватился за мобильник.

– Стойте, стойте… Что? Уже подъехали? Нет, пока заходить не нужно. Пусть кто-нибудь пойдет к директору или к воспитательнице. Мальчика пока не трогайте, сейчас за ним знакомая приедет. Что? Да, ждать, пока она не приедет. Директора или воспитательницу поставить в известность, но мальчика, мальчика ни в коем случае не пугать.

Он повернулся ко мне:

– А вы что сидите? Машина вас уже ждет. Поезжайте, заберите этого горемычного Сережу.

– Вы… – начала я. – Вы его допрашивать будете?

– Не имеем права допрашивать несовершеннолетних в отсутствие родителей или опекунов.

– Но… Как же, – растерялась я, – а вдруг он что-нибудь видел?

– Вот вы с ним и поговорите, если что узнаете, – нам расскажете.

– Вы хотите сказать, что если мальчик что-то вспомнит, вы будете отрабатывать эту версию? – заинтересовалась я.

Максим Максимыч сделал неопределенный жест рукой.

– Поезжайте уж, – он захлопнул блокнот, – если будет нужно, мы вас пригласим на беседу.

Он встал и направился к лестнице.

– Эй, подождите, – засуетилась я, – а куда мне Сережу везти?

Максим Максимыч пожал плечами:

– Лучше всего, конечно, чтобы вы переехали на время в квартиру Федосеевой. Ну, если вам совсем неудобно, можете ехать домой.

– А Сережа?

– Его мы временно пристроим в больницу, пока не сообщат родственникам в Ростове.

Я твердо заявила:

– В больницу не надо. Лучше я в квартире Ксении поживу.

Детский садик, куда ходил Сережа, располагался почти на опушке парка, в некотором отдалении от жилых домов. Тот, кто спроектировал это здание, очевидно, был свято уверен, что детей по утрам развозят только и исключительно на машинах. Пешие переходы явно не брались в расчет. Теперь жителям близлежащего жилого массива для того, чтобы отвести детей в садик, нужно было перейти оживленную улицу.

Мы с Максим Максимычем вылезли из служебной машины и прошли через калитку, около которой дежурил один из Максимычевых коллег. Второй коллега разговаривал с невысокой полноватой женщиной в очках, – то ли заведующей,

то ли воспитательницей.

– Это Зинаида, – представил нам женщину Максимычев коллега.

Не знаю, как они объяснили ей отсутствие Ксении, скорее всего, никак, и женщина по имени Зинаида сделала из полученных обрывков информации свои собственные выводы. Так, она почему-то решила, что Ксения виновна в тяжком преступлении, никак не менее чем в умышленном убийстве. Второй вывод, – ее, Зинаиды, задача: помочь следствию, которое не располагает необходимым количеством улик. Женщину по имени Зинаида переполняла чистая незамутненная радость, так радуется статистка, когда примадонна ломает ногу. Она упивалась вниманием со стороны официальных лиц, и явно переживала лучшие и самые яркие моменты своей жизни. Я практически сразу почувствовала к ней сильное отвращение. Женщина Зинаида принадлежала к довольно распространенному типу граждан, обожающих ходить на чужие похороны, а потом с удовольствием обсасывать детали этого мероприятия: как была одета вдова, и как страшно закричал младший сын, когда закрывали гроб. Женщина Зинаида рассердила меня, я начала злиться.

Глава IX

Когда я начинаю злиться, у меня в районе солнечного сплетения скручивается гневный клубок, я стараюсь удержать его внутри и «погасить», но не всегда это получается, – иногда ярость вырывается наружу. В такие мгновения меня боится даже моя мама. Я умею нагнетать атмосферу.

Со временем я научилась контролировать гневные порывы, в особо тяжелых случаях просто выходя из комнаты. А однажды это даже принесло пользу, – помогло Владу Бубенникову получить важный контракт на создание рекламного ролика. В тендере, помимо Влада, участвовало еще два агентства, причем их шансы в рекламной среде расценивались, как предпочтительные. Влада в расчет никто не принимал, все наблюдали только за фаворитами.

За неделю до «дня Х», когда заказчику должны были быть показаны концептуальные презентации, Бубен взял у меня взаймы приличную сумму, пообещав все вернуть через два дня. Я предупредила его, что деньги мне понадобятся скоро, – подходил срок платежа по страховке за машину. Он воздел руки к небу и укоризненно произнес: «Не думал я, что ты во мне сомневаешься». Я даже неловко себя почувствовала. Все это произошло в воскресенье. Поздно вечером в среду я осознала, что для недоверия и сомнений у меня таки причины есть, – Влад мне так и не позвонил. В чет-

верг и пятницу я безуспешно пыталась ему дозвониться, он не брал трубку или раздавался сигнал занято, каковой также указывал, что общаться Бубен не желает. В субботу, – аккурат в «день Х», я поехала к нему на работу. В любой другой день он мог бы сказаться отсутствующим, но только не сегодня. Наглая секретарша Влада очень долго держала меня в приемной, разговаривала по хамски, видимо, Бубен поставил перед ней задачу избавиться от меня любым способом. Я намертво приклеилась к креслу, твердо решив дождаться Влада, даже если мне придется сидеть здесь до следующего утра. Примерно часа через три нахальная секретарша вдруг засуетилась, в приемную вошли двое хорошо одетых мужчин и женщина.

– Владислав ждет вас в большой переговорной, – защебетала секретарша, не глядя в мою сторону, так как четверть часа назад, пытаясь в очередной раз спровадить меня, она безбожно врала, что шефа нет в офисе.

Я немедленно встала, лучезарно улыбнулась гостям и, нимало не смущаясь, пошла за ними. Секретарша зыркнула на меня недобрым глазом, но на моем лице настолько очевидно считывались приметы предстоящего скандала, что она не рискнула меня задерживать. Владислав и в самом деле ждал в большой переговорной. Ждал, конечно, тех троих, а никак не меня. Но, надо отдать ему должное, и глазом не повел, когда я переступила порог. Поздоровался, как с остальными, даже кресло пододвинул, желая показать, какой он госте-

приимный хозяин. Я, хоть и была на него чертовски зла, но практические соображения все же взяли верх. Бубен, конечно, поступил подло, но у него сейчас важная встреча, которую срывать никак нельзя. Маловероятно, что он выиграет этот тендер, но вдруг… Тогда у него будут деньги, и он сможет вернуть мне долг.

Это я повторяла мысленно, чтобы успокоиться, но успокоиться никак не получалось. Меня раздражал Влад, расшаркивающийся перед потенциальными клиентами, меня раздражали сами потенциальные клиенты, долго и нудно рассказывающие о своей компании. Меня раздражал звонкий голос дамы-сотрудницы, из-за него я не могла отгородиться от ситуации. Попытка мысленно надеть на себя стеклянный стакан провалилась, голос дамы легко разбивал виртуальное стекло. Поневоле пришлось слушать. Оказалось, что заказчиком выступала известнейшая организация, пропагандирующая по всему миру здоровый образ жизни. Год назад организация добралась и до нашей страны. Поначалу они, не мудрствуя лукаво, просто переозвучили рекламные ролики, которые вполне успешно крутились в других странах. Через полгода массированной атаки на сознание наших людей, организация провела, как полагается, социологический опрос. Результаты оказались обескураживающими, – реклама, пропагандирующая здоровый образ жизни, раздражала. Никто из респондентов не задумался над сменой своего нездорового образа жизни, на пропагандируемый. Однако организа-

ция не опустила руки, а быстренько провела еще одно исследование, которое показало, что целевую аудиторию можно приобщить к здоровому образу жизни только хорошенько напугав. Вот тут они и объявили тендер среди российских агентств (или международных сетевых, но работающих в России уже не первый год). Логика была понятна: чтобы хорошенько напугать, нужно знать, чего боятся данные конкретные люди. Ведь представления об ужасном столь же разнообразны, как и представления о счастье. Что было дальше, вы уже знаете, – международная организация приняла к рассмотрению три заявки, – два сетевых агентства и маленький старт-ап Влада Бубенникова. После того как рекламный мир узнал, кто будет бороться за престижный и выгодный заказ, появилось несколько совершенно фантастических версий относительно того, как Владу удалось оказаться в столь солидной компании. Версии, повторюсь, выдвигались самые фантастические, но никому не пришла в голову простая мысль, что Влад – гений своего дела. А, может быть, она и пришла, но только кто же захочет признать чужое превосходство.

Я тоже была не в курсе, как Бубен добился такого успеха, но понимала, что далось это ему нелегко, и нельзя из-за наших частных дел срывать человеку бизнес-проект. Так я и просидела всю демонстрацию, раздираемая желанием устроить громкий скандал с швырянием папок и прочих канцелярских принадлежностей.

Когда презентация проекта закончилась, представители организации заказчика пожали руки мне и Владу, пообещав дать ответ в ближайшие дни. Влад, избегая встречаться со мной взглядом, кинулся провожать потенциальных клиентов.

Я ринулась следом, но он ловко захлопнул дверь перед моим носом и повернул ключ. Через пятнадцать минут меня освободила секретарша. Разозленная донельзя, я отодвинула ее плечом и бросилась к выходу как богиня мщения Эриния. Опоздала. Владова машина медленно выезжала со стоянки. Еще три дня Бубен не отвечал на мои бесконечные звонки. На четвертый день он приехал ко мне на работу с огромным букетом тюльпанов и деньгами. Он вручил мне цветы и торжественно произнес:

– Ирочка, прости, я – твой должник навеки.

– Не навеки, – успокоила его я, – деньги ты вернул, а больше я тебе их давать не буду.

Бубен не обиделся, наоборот, полез целоваться.

– Я выиграл тендер.

– Иди ты, – удивилась я, – не может быть.

– Может, может, – самодовольно заявил Бубен, – и ты мне в этом очень помогла.

– ???????????

– Вчера вечером, – сказал Бубен и сунул мне в руки букет, – поставь тюльпаны в воду… Вчера вечером мне позвонил Генрих…

– Кто это?

– Ты его видела, он приезжал смотреть мою презентацию.

Я не стала уточнять, который из двух мужчин был Генрих, меня гораздо больше заинтересовало, как это я помогла Бубну выиграть тендер.

– Если ты помнишь, основная задача нового ролика – хорошенько напугать потенциальную аудиторию. Каюсь, мне удалось получить презентации конкурентов. Не окончательные варианты, но одни из самых последних. Моя была не хуже, но этого слишком мало, чтобы выиграть такой серьезный тендер. Нужна была изюминка, сверхидея.

Бубен хитро подмигнул:

– И тут я вспомнил про тебя.

Я по-прежнему не понимала, Влад это заметил и пояснил:

– Мне нужно было хорошо напугать их. И я вспомнил, как ты нагнетаешь атмосферу, когда злишься. Но я же не мог тебе все рассказать…

– Это почему же? – встряла я.

– По заказу ты злиться не умеешь, – чистосердечно признался Влад, – мне нужна была твоя концентрированная ненависть. Я подумал, на чем можно тебя зацепить. Вспомнил, что по гороскопу ты телец, стало быть, должна быть жадной. Ну… и попросил у тебя денег.

Он вытащил из портфеля листок бумаги и протянул мне:

– Вот, почитай… Это мне написал Генрих.

Я взяла листок. Генрих на вполне приличном русском со-

общал Владу, что «ни один из представленных другими компаниями вариантов не вселяет чувства первобытного ужаса». «Казалось, что в помещении сейчас сверкнет молния и грянет гром». Я вернула листок Владу:

– Да он поэт.

– Он в первую очередь бизнесмен, – сухо отметил Влад, недовольный моей реакцией, – и он понял, что самая креативная идея у нас.

– А как ты потом будешь объяснять, почему созданный тобой ролик не «вселяет чувства первобытного ужаса»? Или ты пришел обговорить мой гонорар, чтобы я исполняла роль «первобытного ужаса» на показах для фокус-групп?

– А ты согласишься? – быстро спросил Влад, но тут же безнадежно махнул рукой. – Даже если согласишься, толку не будет. Ты ж теперь знаешь, в чем фишка.

В общем, мы с Бубном тогда помирились и больше по крупному никогда и не ссорились. Кстати, именно с того случая и началась его сногсшибательная карьера. По совету Влада я записалась на прием к психотерапевту, которая должна была научить меня управлять энергией. Вот уж не знаю, где Влад ее выкопал, но на первом же приеме выяснилось, что психотерапевт не любит слушать клиента, а любит поговорить, – рассказать случаи из своей практики. Может, кто другой и перенес бы это спокойно, но только не я. Бубен, давая мне не слишком лестную характеристику, в одном пункте точно не ошибся, – я человек жадный, и страсть как не люб-

лю, когда за мои кровные, вместо выслушивания и разрешения моих проблем, меня грузят совершенно ненужной информацией. Во время пятого сеанса, каждый из которых стоил мне четыре тысячи честно заработанных рублей, я мысленно собрала весь накопившийся негатив в шар и «выбросила» этот шар в даму психотерапевта. Хорошо, что я прицелилась в лоб, как я прочитала позже, это одно из самых безопасных мест. Потому что если бы я «выстрелила», к примеру, в зону сердца, болтливая тетка психотерапевт вполне могла бы получить инсульт. А так все обошлось малой кровью, она запнулась на полуслове, схватилась за голову, как если бы у нее вдруг и сильно разболелась голова. Так она просидела минуту или две, а потом вышла из ступора и слабым голосом спросила:

– О чем я говорила?

Я молча положила на стол деньги и ушла. Больше я к ней не ходила.

Со временем, как я уже упоминала выше, я научилась управлять клубками гнева. После случая с дамой психотерапевтом я больше не практиковала свое умение на человеке. До сегодняшнего дня.

Глава X

Но сегодня… Сегодня был особый случай. Несчастье с Ксенией, неясные перспективы ее выздоровления и более чем ясные перспективы моих дополнительных хлопот. Я пыталась набросать хоть примерный алгоритм действий: нужно выяснить у Сережи телефон его мамы, позвонить Ксениной родне, сообщить о случившемся несчастье, договориться, что кто-нибудь из них подъедет, чтобы забрать Сережу. Хороший план, но почему-то была у меня абсолютная уверенность в том, что никто за ним не приедет, и в ближайшие несколько недель, а то и месяцев, я буду отвечать за чужого, да к тому же странного ребенка. Я представила, что каждое утро теперь придется вставать ни свет ни заря, чтобы отвести его в садик и затосковала.

Не подумайте, что я злой человек. Я человек совершенно обычный, как и подавляющее большинство, я не люблю лишние напряги. Тоска, как это обычно бывает, перешла в раздражение, а тут еще болтовня женщины Зинаиды. Чтобы успокоиться, я сделала несколько глубоких вдохов, но это не помогло. Очень уж она была говорлива, и все не по делу. Я подошла к ней вплотную, внимательно посмотрела в глаза и мысленно выбросила гневный клубок, нацелившись прямо в лоб. Зинаида растерянно замолчала. Я, не давая ей опомниться, резко спросила:

– Где Сережа?

Зинаида запнулась, бросила взгляд в сторону сотрудников полиции, ища у них поддержку. Максим Максимыч отвел глаза в сторону. Зинаида сообразила, что поддержки не будет. Я сделала шаг в ее сторону, она инстинктивно отшатнулась и, чтобы отвязаться от меня, ткнула пальцем в сторону маленького коридорчика.

– Там он, в игровой.

Я быстро прошла по коридору и толкнула дверь с табличкой «игровая».

Сережа был там, как и сказала Зинаида. Он тихо сидел на маленьком стульчике, сложив руки на коленях. Когда я вошла, он даже не повернул головы. Все-таки он очень, очень странный. И вот с этим человеком в ближайшие несколько недель мне предстоит тесно общаться, жить в одной квартире и как-то налаживать отношения. Пока не приедут его родственники… Если они вообще приедут. Я собралась с духом и приступила к налаживанию отношений:

– Привет, ты меня помнишь? Я вчера была у вас в гостях. Меня Ирина зовут.

Сережа молчал. Я попыталась зайти с другой стороны:

– Мы сейчас домой поедем. Ксения не придет сегодня, она заболела. Ты готов идти домой?

Сережа угрюмо кивнул головой, но по-прежнему не произнес ни слова.

– Тогда пошли, – нарочито бодро закончила я разговор.

Сережа молча встал и, не поднимая головы, направился к выходу. Мне ничего не оставалось, как пойти за ним. Похоже, что первая попытка установить контакт не увенчалась успехом.

Мы вышли в коридор, где Зинаида продолжала что-то говорить изрядно уставшему Максим Максимычу. Увидев меня, она недовольно поморщилась и замолчала, я проигнорировала столь откровенно выказываемые признаки неприязни и поставила ее в известность, что забираю Сережу.

– А кто вам это разрешил? – пошла в наступление Зинаида. – Не имею права отдать вам ребенка. Я вас впервые вижу, а за него я несу ответственность.

Выпалив все это на одном дыхании, она нагло, но все же с опаской посмотрела на меня. Я повернулась к Максим Максимычу:

– Послушайте, вы можете мне объяснить, зачем я сюда приехала? Мне казалось, речь шла о том, что я занимаюсь мальчиком, пока Ксении не станет лучше. Или пока не приедут родственники. Видимо, за те пять минут, что я отсутствовала, концепция поменялась. Так и скажите, я поеду домой.

Дальше все произошло именно так, как я и предполагала. Молчавший до этой минуты Сережа неожиданно вцепился мне в руку и отчетливо произнес:

– Я поеду с тобой.

Зинаида, задетая неожиданным демаршем воспитанника,

наклонилась к нему и противно засюсюкала:

– Сереженька, ты же не знаешь эту тетю.

Мальчик густо покраснел, еще крепче сжал мою руку и упрямо повторил:

– Я поеду с ней.

Зинаида разозлилась:

– Официально заявляю, – взвизгнула она, обращаясь к Максим Максимычу, – что не могу отпустить ребенка с человеком, которого вижу в первый раз жизни.

Максимыч посмотрел на меня, на Сережу, потом на Зинаиду:

– Под мою ответственность, – ответил он, и Зинаида захлебнулась от бессильной ярости.

– Ну, мы пошли? – спросила я у Максимыча, – ключи от Ксениной квартиры у кого.

Он вытащил из кармана хорошо знакомую мне связку.

– Держите. Только вам нужно написать расписку.

Еще минут двадцать ушло, пока Зинаида крайне неохотно принесла лист бумаги и ручку. Я написала расписку на имя Максим Максимычевого начальника, что получила ключи от квартиры пострадавшей Ксении Владимировны Федосеевой, а также расписку с указанием моих паспортных данных на имя заведующей детским садиком, что я принимаю на себя ответственность за несовершеннолетнего Сергея Федосеева.

– Теперь все? – спросила я, поставив подпись под документом.

– Да, можете идти, – разрешил Максим Максимыч, аккуратно засовывая бумагу в файлик. Зинаида тоже взяла расписку, было видно, что ей хочется еще повыпендриваться, но Максимыч уже дал добро, и она воздержалась.

– Пойдем, – я взяла Сережу за руку.

Мальчик уже понял, что его не оставят с Зинаидой, и немного успокоился.

– Там мои работы, – сказал он.

– Что? – не поняла я.

– Работы мои, мы лепили… Вчера и сегодня.

В разговор вмешалась Зинаида, никак не желавшая смириться с тем, что ее партия закончилась. Невероятное приключение, самое яркое в ее жизни, подходило к концу, завтра начнутся монотонные будни с манной кашей, запахом кипяченого молока и сопливыми носами.

– Мы детей развиваем, – заметила она, обращаясь к Максим Максимычу, – работы наших ребят вот на том столике. Дощечки, на каждой написана фамилия и имя. Родители обычно забирают…

Она поджала губы и закончила:

– А Сережины работы уже два дня никто не забирал. Не до того ей было.

Я с трудом подавила вновь проснувшийся гнев, молча подошла к столику, нашла дощечку, на которой черным фломастером было написано «Сережа Федосеев». Интересно, как это забирают? Кладут в пакет или можно взять с со-

бой дощечку? Мои сомнения разрешил автор пластилиновых скульптур.

– Дощечку можно взять с собой, но завтра надо принести.

– Хорошо, – я протянула ему дощечку, – сегодня заберем или завтра?

– Сегодня, завтра мы еще лепить будем, – коротко ответил Сережа.

Я попрощалась с Максим Максимычем, который обнадежил меня тем, что в ближайшие дни, скорее всего, прямо завтра, меня непременно вызовут для дополнительной беседы. Женщина Зинаида смотрела волком, в ответ я мило улыбнулась и приветливо помахала ей рукой. Она демонстративно отвернулась. Мальчик Сережа не выразил ни малейшего желания сказать кому-либо до свидания, а я не стала настаивать, памятуя, как в детстве меня сильно доставали правилами этикета, заставляя при встрече здороваться с многочисленными знакомыми и родственниками.

Я не здоровалась, меня наказывали, в отместку я еще больше не здоровалась. Из моего отказа здороваться многочисленные знакомые и родственники делали далеко идущие и крайне нелицеприятные для меня выводы. По их мнению, ребенок, которому не привили в детстве привычку здороваться, вырастет хамом и тунеядцем и, как следствие, обязательно закончит свою жизнь плохо. В тюрьме, например.

Я обманула их ожидания. На последнем семейном мероприятии папин сводный брат, с трудом скрывая раздраже-

ние, заявил:

– Ирка, даром, что невоспитанная в детстве была, никогда не здоровалась, а, смотри-ка, выбилась в люди.

Остальные родственники нахмурились и дружно закивали, соглашаясь с определением моей невоспитанности, и нехотя признавая мои жизненные успехи.

В общем, я с пониманием отношусь к тому, что люди в возрасте до шести лет могут со мной не поздороваться. Это не означает, что я им активно не нравлюсь, и из этого совершенно не следует, что из них потом не вырастет полезный член общества.

Мы вышли на улицу, день потихоньку клонился к вечеру. Было то невнятное время суток, когда солнце еще не окончательно ушло за горизонт, и последние на сегодня лучи освещают проступивший на небе блин луны. В этот час городские фонари начинают слабо мигать, вроде как раздумывают, дать ли свет этому городу или погрузить его во тьму.

Пока мы ждали, когда поредеет сплошной поток машин, солнце окончательно закатилось, нехотя зажглись фонари, воздух стал сиреневым и зыбким.

Как отсюда добраться до Ксениного дома я представляла очень смутно, поэтому решила попросить помощи у своего молчаливого спутника.

– Ты дорогу домой знаешь?

Сережа продолжал идти, крепко прижимая к груди дощечку с пластилиновыми фигурками. Мой вопрос он про-

игнорировал.

– Эй, парень, – окликнула я его, – может, я тебе и не очень нравлюсь, но придется потерпеть.

– Через парк мы вечером не ходим, страшно, – жалобно произнес он, – там черный дядька. Он утром там стоит… А вечером мы не ходим. Боимся, что он там стоит.

Новые вводные заставили меня изменить маршрут. Вообще-то через парк было намного короче, мы срезали, как минимум, километр. Конечно, «черного дядьку» можно было бы отнести на счет буйной фантазии специфического ребенка, если бы не два но… Во-первых, Сережа говорил о «черном дядьке» и раньше, во время первого нашего телефонного разговора, а во вторых… А во вторых, моя подруга Ксения сейчас находится в реанимации, потому что сегодня утром именно в этом парке кто-то проломил ей голову. Я не утверждаю, что этим «кто-то» был «черный дядька», но совсем исключать такую возможность тоже неразумно.

Мы быстро, но не суетливо, свернули на освещенную дорожку, огибающую лесопарковую зону слева. Здесь было довольно многолюдно, народ из стоящего чуть далее супермаркета спешил на автобусную остановку. Ксенькин двор также был неплохо освещен. Маргинальных жильцов здесь нет, никто не распивает горячительные напитки на детской площадке, и даже собак большая часть владельцев выгуливает строго на поводках. В подъезде чисто, стены лифта не украшены надписями, чисто даже на лестничных клетках, два раза в

неделю подъезд моет специально обученный человек.

Когда мы вышли из лифта, я поняла, что перехвалила Ксенькин дом. То ли специально обученный человек ушел в отпуск и не оставил замену, то ли незадолго до нашего прихода кто-то потоптался здесь в грязной обуви, на полу около ее квартиры была насыпана земля.

Я открыла дверь и щелкнула выключателем. Странно, пол в прихожей тоже был не очень чистым, та же самая грязь. Двор заасфальтирован, газоны уже подмерзли, снега нет. Земля может быть только из парка, там незамерзающий ручей… «Черный дядька»!!! Ну, конечно же, это может быть только он! Он давно наметил Ксению в качестве жертвы, а сегодня утром, дождавшись, пока она отведет в садик Сережу, ударил ее трубой по голове, обшарил сумку, забрал ключи и теперь сидит в ее квартире. Я замерла в ужасе и почти сразу мысленно отругала себя. Какая глупость лезет в голову после тяжелого дня. Какие ключи, когда ключи, вот они, у меня. Я минуту назад открыла ими дверь. И грязь, скорее всего, притащили на своих ботинках Ксения с Сережей, они ведь каждый день ходят через парк.

– Где у вас веник? – спросила я у Сережи. – Надо подмести, а то видишь, как здесь грязно.

Он, конечно, не знал. Да я на это и не рассчитывала, мне нужно было хоть как-то отвлечь мальчика от грустных мыслей. Веник нашелся в шкафу, в коридоре, потом мы тщательно подмели пол в квартире и на лестничной клетке. Я держа-

ла совок, а Сережа старательно заметал в него землю. Убравшись, мы провели ревизию холодильника, выяснили, что на ужин сможем приготовить только яичницу. Ее и приготовили, а заодно составили на завтра список продуктов, которые необходимо купить. После ужина Сережа несколько подобрел и сам, по собственной инициативе, предложил показать его комнату.

У меня есть знакомые, у которых есть дети. Поэтому я в курсе, что основным украшением любой детской комнаты являются постеры. По тому, какие постеры висят в комнате ребенка, вы, даже не встречаясь с ним ни разу, смело можете делать вывод о его возрасте. У большинства моих знакомых дети находятся в периоде «первого подросткового возраста», соответственно, стены их комнат завешены «Хеллбоями», «Бэтменами», реже – человеками пауками. В Сережиной комнате, учитывая, что ему до «первого подросткового» оставалось еще лет шесть, я ожидала увидеть Микки Мауса, Дональда Дака, может быть, кого-нибудь из современных мультяшных персонажей. Я настроилась похвалить подборку постеров, что бы там ни было… Но когда мы вошли, я поняла, что оказалась не готова к такому зрелищу. Прямо напротив входной двери висел огромный плакат с изображением Хита Леджера в его последней роли Джокера в фильме «Темный рыцарь». Черная нелепая и страшная фигура на заднем плане и нарисованная кровью улыбка на стекле. Под большим висело пять плакатов поменьше, на трех из них

все тот же Джокер, на двух – прокурор Харви Дент, когда он уже стал «двуликим Харви» и приобрел сходство с полуразобранным Терминатором. Маловероятно, что постеры выбирала Ксения, но я, на всякий случай, уточнила.

– Э… Ты сам картинки подбирал?

Сережа кивнул.

– И… – продолжала мямлить я, – Чем же тебе эти персонажи так нравятся?

– Они ничего не боятся, – очень серьезно ответил мальчик, – я бы хотел иметь такого друга как он.

Тут он ткнул пальцем в Джокера.

– А ты фильм видел?

– Ну, да, – Сережа удивился моему вопросу, – у Ксении диск есть. Когда она работает допоздна, я сижу и смотрю фильмы. А потом уже попросил купить мне постеры.

Я подумала, что фильм, вообще-то, имеет категорию PG 13. Это означает, что решение, – смотреть или не смотреть, – принимают родители. Вопрос стоило прояснить, поэтому я поинтересовалась:

– Это Ксения тебе такой диск оставила?

Сережа не заподозрил подвоха и честно ответил, что нет, он сам покопался в видеотеке.

– Обложка понравилась, – признался он.

Обложка и в самом деле была знатная, Бэтмен на мотоцикле, и в углу криво улыбающаяся рожа Джокера.

– И что ты понял в фильме?

– Они, – Сережа ткнул пальцем в Джокера и «двуликого» Харви, – могли бы стать друзьями.

Неожиданная трактовка, но… Почему бы и нет? Сережа подошел к кровати и начал снимать покрывало.

– А тебе они не снятся? – не удержалась я.

– Нет, – спокойно ответил он, сворачивая покрывало и пристраивая его на стул, – их же не существует. Как и Фредди Крюгера.

– Ты и про Фредди смотрел?

Он заулыбался:

– У Ксении все фильмы про Фредди есть. Я все посмотрел.

И тут я вспомнила, что когда-то, еще в институтские годы, Ксенька старательно собирала коллекцию фильмов ужасов. Сначала на видеокассетах, потом пришлось покупать все то же самое уже на DVD. Тогда это ее хобби никого не напрягало. Наоборот, когда намечалась вечеринка, ее обязательно звали с условием, что она принесет пару кассет из своей коллекции. Скорее всего, у Ксеньки никаких других дисков просто нет. Правда, мне все же было сомнительно, что она разрешала Сергею смотреть эти фильмы. Неожиданно я отметила, что думаю о Ксении в прошедшем времени, а это нехорошо.

– Ложимся, – скомандовала я, – завтра во сколько вставать нужно, чтобы в садик успеть?

Он не знал, я выставила будильник на половину седьмого.

Из глубин моего детства всплыли воспоминания, что садики открываются чуть ли не в пять часов утра, или в шесть, в общем, как-то очень рано. Сейчас, конечно, вряд ли кто тащит ребенка в садик к шести часам, но в восемь они уж точно должны быть открыты. Если учесть, что я не знаю, как быстро просыпается Сережа, что и как он ест на завтрак, во что его завтра одевать, а до садика топать, как выяснилось сегодня, двадцать минут, то полтора часа – это тот минимум, за который мы сможем без спешки собраться и дойти.

– Чистить зубы и спать!

Сережа направился в ванную, закрыл за собой дверь, чему я страшно удивилась, потому что собиралась проконтролировать, как он чистит зубы. Он плескался там не меньше двадцати минут, и все это время я стояла под дверью и прислушивалась. Как только душ перестал шуметь, я немедленно ретировалась на кухню, мне не хотелось быть застуканной подслушивающей под дверью.

– Спокойной ночи, – крикнула я Сереже, когда он в трусиках и тапочках прошлепал по коридору в свою комнату.

Теперь можно подумать и о своем ночлеге. На Ксюхину кровать я ложиться не стала из суеверных соображений, постелила себе на диванчике в гостиной. Диван был относительно новый, без продавленных пружин, в меру мягкий. Но мне все равно не спалось. Загадочный «черный дядька», дважды упомянутый Сережей, не давал мне покоя, как «черный человек», заказавший «Реквием», Моцарту. Я несколь-

ко раз вставала, подходила к окну и внимательно рассматривала лесной массив, через который нам завтра утром придется идти. Где-то там, на неведомых дорожках, стоит страшный черный человек и поджидает очередную жертву. Эк у меня нервы-то расшалились.

Я потопала на кухню, разыскала там чай с мятой, заварила и села перед телевизором. Раз уж все равно не спится, может, кино какое посмотреть. Телевизор был настроен на DVD, я ткнула в кнопку play, на экране возник жуткого вида зомби, пытающийся влезть в окно, за которым торчали белые от ужаса лица главных и второстепенных героев. Судя по их количеству, это было почти начало фильма. Я немного промотала вперед, количество героев несколько поубавилось, – до нескольких добрались кровожадные зомби, покусали их, отчего те быстро пострашнели и тоже стали зомби. Все понятно, фильмец класса В, в конце концов, в живых останется главный герой и его подружка, скорее всего, – вон та противного вида блондинка, которая громче всех визжит. Не ожидала я, что у Ксении водятся такие, мягко говоря, не лучшие образцы жанра. Главный герой тем временем взбежал по лестнице на второй этаж и обнаружил в спальне телефон, немедленно схватил трубку, но туповатые на вид зомби оказались не лыком шиты. В кадре появилась рука, держащая ножницы. Один взмах ножницами, – и телефонный провод приказал долго жить. Камера метнулась наверх, где главный герой судорожно нажимал на кнопки, пытаясь ре-

анимировать молчащий телефон. Ясное дело, у него ничего не получалось. Любому нормальному человеку уже стало бы ясно, что связи нет, но главные герои третьесортных фильмов ужасов особой сообразительностью не отличаются. Вот и этот продолжал мучить кнопки, вместо того, чтобы подумать над альтернативными вариантами спасения. Наконец и до него доперло, что он теряет понапрасну время. Главный герой разозлился и в сердцах отбросил трубку. И тут, – о, чудо, – телефон зазвонил. Я невольно заинтересовалась таким нетривиальным поворотом сюжета, однако, главный герой почему-то на звонок никак не отреагировал, а бросился на первый этаж, где десяток зомби давали прикурить второстепенным героям.

Неожиданно меня кто-то дернул за рукав, я непроизвольно вздрогнула и повернула голову. Рядом с креслом стоял Сережа в трогательной желтой пижамке с уточками. Мне стало стыдно: в самом деле, включила звук громко, у ребенка был тяжелый день, а рычание зомби и крики погибающих героев мешают ему заснуть.

– Извини, – машинально произнесла я, – сейчас сделаю потише.

Он покачал головой:

– Телефон звонит.

Тут до меня дошло, что это не в фильме, а у нас, в реальной жизни зазвонил телефон.

– Иди спать, – я погладила Сережу по спине, отчего он

слегка передернулся, – я отвечу.

Он пошел к себе в комнату, но почему-то у меня была полная уверенность, что он не лег, а стоит за дверью и слушает. Я бросила взгляд на часы, – ничего себе, половина второго. Приличные люди в такое время не звонят, но зато вполне могут звонить люди неприличные! Ну, конечно, не зря же сегодня Максимыч записывал координаты Алексея. Наверняка его уже нашли и вызвали для беседы. Славно, славно… Ничего не подозревавшая в течение нескольких месяцев Елена Вениаминовна столкнулась с неприятной правдой жизни и (я очень на это надеялась) устроила супругу безобразный скандал. Я с мстительной радостью направилась к телефону, предвкушая удовольствие от беседы с незадачливым и непорядочным Ксенькиным любовником, как вдруг до меня дошло, что, если его вызывали в полицию, сюда он звонить не будет. Ведь ему наверняка сказали, что Ксения в больнице.

Я притормозила на полдороге. Телефон продолжал звонить, тот, кто набрал в столь поздний час Ксенькин номер, очень ждал ответа.

Если это не Алексей, а это точно не он, тогда… Тогда… От неожиданной догадки меня бросило в жар. Наверное, это из больницы. Может, может такое быть. Если в состоянии Ксении наступило ухудшение. Думать, до какой степени могло наступить ухудшение, не хотелось. Для звонка в половине второго, на мой взгляд, могло быть только одна причина, – Ксения умерла. Я сделала пару глубоких вдохов и выдохов

и взяла трубку.

На том конце провода не слишком приятный женский голос произнес:

– Алло, алло, кто это?

Да, похоже, что это из больницы, – какая-нибудь ночная дежурная, которую сначала выдернули к умирающей, а теперь еще навесили «приятную» обязанность сообщить родственникам о факте смерти.

– Здравствуйте, – вежливо, но сухо ответила я.

– Кто это? – удивился женский голос. – Ксения, ты?

Я облегченно выдохнула, – вариант с больницей и дежурной медсестрой можно вычеркнуть. Это какая-то знакомая Ксении, новая знакомая. Судя по тембру, женщина немолодая, судя по времени звонка и манере говорить, – незамутненная какими-либо правилами приличия.

– Здравствуйте, – еще раз произнесла я, подчеркнув голосом это слово, – Ксении нет дома.

Незамутненная женщина проигнорировала мое «здравствуйте» во второй раз.

– А где ж она? – удивленно выдохнула моя собеседница и тут же с подозрением спросила, – А вы кто? Что в ее квартире делаете?

Обычно я таких хамок осаживаю сразу, но тут мне потребовалась минута, чтобы собраться. А тетка, тем временем, продолжала гнусить в трубку, кто я такая, да откуда я взялась.

Причем говорила она это с таким напором, как будто у нас был не телефонный разговор, а допрос.

– Погодите, – перебила я словесный поток, – замечу, что это вы сюда звоните. Причем в неурочное время. Есть такая штука, как правила приличия, вы о них, судя по всему, не слышали, так позвольте вас просветить. Во-первых, неприлично звонить после одиннадцати вечера, если только не произошел какой-нибудь форс мажор. А второе, – первым представляется позвонивший…

Тетка замолчала, видимо, переваривала полученную информацию. Я мысленно подготовилась ко второму раунду, такие хамоватые особы, когда им даешь отпор, сначала теряются, но потом, придя в себя, вновь идут в атаку. Однако этой тетке удалось меня не на шутку удивить. После продолжительной паузы она заговорила извиняющимся и даже заискивающим тоном.

– Вы извините, пожалуйста…

Я молчала, собеседница поняла, что только извинения не достаточно и представилась:

– Меня зовут Людмила Станиславовна, я работаю вместе с Ксенечкой. Сегодня ей во вторую смену выходить, а она не вышла. Вот я и звоню, узнать, не случилось ли чего.

Я дурой себя никогда не считала, мое ближайшее окружение тоже всегда воспринимало меня как человека хорошо соображающего, внимательного, умеющего сопоставлять и делать выводы. Но как на солнце есть пятна, так и в жизни

бывают ситуации, когда даже самый внимательный и сообразительный человек не замечает очевидных нестыковок. Иногда эта поразительная «слепота» не имеет далеко идущих последствий, и заканчивается хлопаньем себя по лбу и беззлобной руганью типа «ах, я, раззява этакий, как же раньше-то не сообразил». Но бывает и по другому… Когда ты интуитивно понимаешь, что упустил, не заметил что-то очень важное, но гонишь от себя эту мысль, и вспоминаешь о ней лишь тогда, когда непоправимое уже произошло, и ты, разбитый горем и отчаянием, мысленно отматываешь время назад и находишь, непременно находишь тот момент, когда все началось, когда еще можно было что-то изменить.

А самое обидное, что жизнь или судьба, она ж знаки посылает, чтобы обратить наше внимание на важность момента. Очень редко встречаются случаи, когда «точка невозврата» никак не отмечена. Сплошь и рядом случается, что сигнал был послан, но по тем или иным причинам, адресат его проигнорировал. Вот и я не придала большого значения первому сигналу.

Людмила Станиславовна слегка кашлянула в трубку, видимо, хотела убедиться, что связь не прервалась, и я еще участвую в беседе.

– Ах, да, извините, – спохватилась я, – меня зовут Ирина, я подруга Ксении. С Ксенией произошло несчастье, на нее кто-то напал сегодня утром, сильно избил. Сейчас она в реанимации.

Получив такую информацию, старушка Людмила Станиславовна должна была заохать и запричитать. Но она оказалась крепкой женщиной, деловито поинтересовавшись, в какой больнице лежит Ксения, записала под мою диктовку адрес и фамилию лечащего врача, уточнила, есть ли приемные часы. Узнав, что к Ксении все равно не пустят, спросила, можно ли будет переговорить с врачом. В общем, вела себя так, как будто Ксения была ее близкая родственница, а не коллега, с которой проработано вместе всего ничего. Волнение Людмилы Станиславовны выдавал лишь ее голос, – в нем добавилось скрипучести и дребезжалости. А еще, и вот это мне не понравилось, еще сменились интонации. Исчезло заискивание, зато появились поразившие меня сочувственно-торжествующие интонации. Так бывает, когда один человек предупреждает другого об опасности, тот, другой, предупреждением пренебрегает и с ним случается несчастье. Вот тогда первый, с одной стороны, сочувствует, с другой стороны, в его сочувствии (даже вполне искреннем) явно читается злорадное «а я же тебя предупреждал».

В общем, послевкусие от разговора осталось неприятное. Может, не стоило говорить этой Людмиле Станиславовне, в какой больнице лежит Ксения. Впрочем, несколько последних месяцев Федосеева избегала старых знакомых, зато у нее появились новые. Кто знает, в каких она отношениях с этой Станиславовной. Наверное, в близких, раз та звонит посреди ночи. Я посмотрела на часы, четверть третьего, пора и мне

ложиться. Интересно, Сережа заснул или нет? Я тихонько на цыпочках зашла к нему в комнату. Занавески не были задернуты, поэтому не было смысла зажигать ночник, – вполне хватало света уличных фонарей. Сережа лежал на спине, вытянув руки поверх одеяла. Я прислушалась, он дышал равномерно и глубоко, – значит, спит. Видимо, много вертелся, прежде чем заснул, с одной стороны одеяло почти сползло на пол. Я подошла поправить, мальчик как будто почувствовал мое приближение и стал дышать еще реже. Я нагнулась, подняла свисающий край и, сама не знаю почему, быстро выпрямилась. Есть! Так я и думала. Глаза Сережи были крепко закрыты, но веки слегка дрожали. Значит, когда я нагнулась, он открывал глаза, а потом еле успел их закрыть, не ожидал, что я так быстро вернусь в вертикальное положение. Не спит, притворяется. Наверное, подслушивал мой разговор с Людмилой Станиславовной. Надо будет, кстати, завтра расспросить его, вдруг Ксения что-то рассказывала. Вот по дороге в детский сад эту тему и обсудим. А еще завтра мне нужно будет просмотреть Ксенькины ящики, найти хоть какие-то документы на Сережу, хотя бы свидетельство о рождении. Не могли же его привезти совсем без документов. В садик-то как-то устраивали. А потом надо будет подъехать в полицию, чтобы они выяснили, где проживают Сережины родители. Думаю, что это займет несколько дней, может, даже неделю или две. Ну, что же, придется потерпеть. Наверное, это моя карма, отработка за что-нибудь в прежних рож-

дениях. Две недели можно потратить на улучшение кармы. С этой позитивной мыслью я заснула.

Глава XI

Конечно же, я проспала. Будильник с интервалом в десять минут трижды проиграл мелодию из «Семейки Адамс», а я продолжала спать. Разбудил меня Сережа. Спросонья я не сразу въехала, что это за ребенок, и что он делает в моей квартире.

– Ты кто? – спросила я у него.

– Сережа, – серьезно ответил он, совершенно не удивившись, – нам в садик пора. А то, если опоздаем, тетя Зина ругаться будет.

Я рывком села на кровати. Тетя Зина, вчерашняя многословная дура.

– Сколько времени? – я покрутила головой, чтобы немножко прийти в себя.

– Вот, – Сережа протянул мне часы, – я пока не умею по стрелочкам.

Черт! Мы опаздываем.

– Позавтракать точно не успеем, – сообщила я Сереже, вскакивая с постели и бегом направляясь в туалет.

Он потрусил за мной и, стоя под дверью, громко объявил, что завтракать не надо, он завтракает в садике. Уже легче. Я быстро натянула вчерашнюю одежду, ополоснула лицо. Сережа стоял в коридоре с курткой в руках.

– Ты что не одеваешься? – спросила я.

– Петельки маленькие, – объяснил он. – Мне их Ксения застегивает.

Еще пять минут ушло на возню с пуговицами и петельками, которые и в самом деле, не вполне соответствовали по размеру.

Уже в лифте мы вдруг вспомнили, что забыли дома фанерку, на которой Сережа лепит из пластилина.

– Возвращаться не будем, – решила я, – плохая примета возвращаться с дороги. Эта доска как, очень критична?

Он подумал:

– Не знаю. Если сегодня лепить будем, тетя Зина ругаться будет.

– Я поговорю с тетей Зиной, – пообещала я.

Сережа вздохнул и упрямо повторил:

– Она все равно ругаться будет.

Мы вышли из подъезда. Светало медленно и неохотно. Густой туман обещал теплый день.

– Как пойдем? – спросила я. – Как вчера возвращались или через парк?

– Мы утром ходили через парк, – ответил Сережа. – Только я боюсь, там черный дядька за кустами…

Я решила не рисковать. По крайней мере, пока иду с ребенком. Сначала отведу его в садик, а потом все же пройду через парк. К тому времени уже совсем рассветет, народ потянется к остановке, я буду не одна.

Дошли мы на удивление быстро. Сережа снял курточку,

теплые штаны и ботинки, достал из шкафчика, на дверце которого была нарисована вишенка, клетчатые тапочки и джинсы. Он натянул джинсы, немного повозился с пуговицей, на мой вопрос, не нужна ли ему помощь, твердо ответил «нет», сунул ноги в тапочки и, не сказав ни слова, пошел по коридору. Где-то вдалеке слышались детские голоса, пахло молоком и манной кашей.

Теперь надо сообщить женщине Зинаиде, что сегодня мы дощечку не вернем. Видимо, у нас с Зинаидой на почве взаимной неприязни возникла астральная связь, потому что не успела я про нее подумать, как она тут же нарисовалась. Недобро зыркнув в мою сторону, Зинаида сделала попытку скрыться в том же направлении, куда минутой раньше ушел Сережа, но я перехватила ее в дверях. Оглянувшись, я убедилась, что никого из родителей в данную минуту в комнате нет, я нежно взяла Зинаиду за лацканы ее халата и прошипела ей в нос:

– Вашу дощечку пришлось отдать в качестве вещественного доказательства. Когда вернут, – непонятно. Поэтому снабдите Сережу новой дощечкой. Вы поняли?

Женщина Зинаида кивнула, дескать, все поняла. Я отпустила ее и уже спокойным голосом добавила:

– И учтите, моя лучшая подруга детский психолог по профессии. Если с мальчиком что-то будет не так, если вы будете его третировать, я это выясню… И тогда мало вам не покажется.

Я похлопала женщину Зинаиду по плечу, улыбнулась и пожелала ей удачного дня.

Выйдя из здания детского садика, я почувствовала, как утомило меня даже столь короткое общение с Зинаидой. Так бывает, люди, которые неприятны, будят в нас нежелательные качества.

Задумавшись на тему «почему некоторые люди вызывают непреодолимое желание на них наорать», я чуть было не пошла вчерашней дорогой, но вовремя вспомнила, что мне надо хотя бы раз пройти через парк, дабы убедиться в наличии или отсутствии там «страшного черного дядьки».

В парке было темновато, фонари, освещающие заасфальтированную дорожку, горели через один. И вот что странно, вроде как вместе со мной в парк вошло довольно много народу (как раз подошел автобус), но метров через сто все куда-то рассосались, и я с неудовольствием обнаружила, что иду по дорожке в гордом одиночестве. Н-да, это не здорово. Если «страшный черный дядька» – всего лишь фантазия пересмотревшего фильмов ужасов мальчика, то это один разговор. А если нет? Если этот человек на самом деле существует? Ведь кто-то же ударил Ксению по голове, проломив ей череп. Наверное, пока я не зашла слишком далеко, стоит вернуться. Да, правильно, надо вернуться, позвонить Максим Максимычу, напомнить ему про «черного дядьку» и пусть устраивают облаву. Но поскольку мне не хотелось выглядеть в своих собственных глазах трусихой, я решила,

что дойду вон до тех кустов и поверну обратно.

Он стоял как раз за кустами, намеченными мною в качестве «точки возврата». Высокий мужчина в длинном черном пальто, «черный дядька», настоящий, не из Сережиных фантазий, вполне возможно, убийца. Что делать? Наверное, самое лучшее, – не смотреть в его сторону, развернуться, как планировала, и бежать, бежать, бежать… До выхода из парка или до первых прохожих. Я уставилась себе под ноги и затаила дыхание. Если сейчас он начнет приближаться, я закричу и побегу. Да, именно так, закричу и побегу. Однако все было тихо, «черный дядька» не торопился лезть в колючий кустарник, чтобы напасть на меня. Даже странно, что он медлит. Неожиданно с той стороны, где находился предполагаемый убийца, раздалось негромкое покашливание. Не выдержав, я повернула голову. Мужчина в черном только этого и ждал, он привычным жестом распахнул полы пальто, под верхней одеждой ничего не было.

– Господи! – невольно вырвалось у меня.

Мужчина обрадовался. Я машинально пошла дальше, совершенно забыв, что собиралась развернуться и убежать. Итак, страшная тайна «черного человека» раскрыта. Заурядный эксгибиционист, из тех, что каждую весну наводняют московские парки и развлекаются там до осени, пока позволяет погода. Вряд ли он имеет какое-то отношение к нападению на Ксению. Я не очень хорошо разбираюсь в сексуальных девиациях, но, вроде, эксгибиционисты обычно не име-

ют агрессивных намерений, им вполне себе достаточно получаемой реакции, будь то ругань или испуг. Странно другое, почему Ксения с завидным упорством продолжала ходить этой дорогой. Не лучше ли было заявить для начала в полицию, да на время сменить маршрут?

В размышлениях на эту тему я незаметно добралась до Ксенькиного дома. Первым делом я прошерстила прикроватную тумбочку, выдвинула и перетрясла все ящики в комоде. Улов оказался небогатым, я не нашла писем с угрозами или копий долговых расписок, зато обнаружила свидетельство о рождении Федосеева Сергея Вячеславовича. Мамой в свидетельстве была записана Федосеева Юлия Вячеславовна, в графе «отец» стоял прочерк. Лет Сергею Вячеславовичу было пять с половиной.

Я набрала номер, что мне вчера дал Максим Максимыч, ответил дежурный, сообщил, что Максимыча пока нет, но я могу звонить в течение дня, он непременно должен появиться. На мою просьбу записать для Максимыча информацию дежурный отозвался недовольным бурчанием, но информацию записал, пообещав передать ее Максимычу сразу, как только тот появится. Это был мой первый в жизни опыт общения с правоохранительными органами. До вчерашнего дня мои представления о том, как действуют сотрудники полиции, базировались, в основном, на литературных и кинематографических примерах. Отчего-то мне казалось, что Максимыч, прочитав адресованную ему записку, в которой

я указала все свои номера телефонов, тут же бросится мне звонить. Спустя почти шесть часов моя уверенность сильно поколебалась, и я позвонила сама. К моему безграничному удивлению Максимыч оказался на месте и моему звонку совершенно не обрадовался, хотя должен был, – не так уж часто граждане проявляют такую степень сознательности. Я поинтересовалась, передали ли ему мое сообщение, он признался, что да, передали, но он его еще не читал, потому что навалилось несколько более срочных дел. Я ему не поверила, как вдруг у нашей беседы появился звуковой фон: громкий женский голос заговорил об угрозах, которыми обладательницу голоса запугивал то ли нынешний сожитель, то ли бывший муж. Максимыч отвлекся, потом в течение некоторого времени, пытался вести беседу на два фронта, отвечая попеременно то мне, то голосу, запутался и наконец попросил меня приехать, потому что по телефону решить мой вопрос совершенно невозможно. Я согласилась и записала адрес. Оказалось, что Максимыч работает неподалеку, но пока я добралась, наступил вечер. Местное отделение полиции размещалось в современном шестиэтажном здании из стекла и бетона. Дежурный на входе записал мои паспортные данные, уточнил, к кому я иду, и сказал, что нужный мне человек сидит в кабинете номер 601, что на шестом этаже.

Шестьсот первый кабинет оказался довольно большой комнатой, где стояло не менее десяти столов. Я была приятно удивлена тем фактом, что на каждом столе был компью-

тер, мониторы тоже были не древние, а ЖК. Несколько компов работали, причем на всех мониторах была одна и та же картинка – заставка к какой-то компьютерной игре бродилке. Кроме меня в комнате было еще два человека – женщина средних лет и мужчина неопределенного возраста. Женщина держала в руке несвежий носовой платок, который время от времени прикладывала к глазам. К гадалке не ходи, она готовилась к предстоящему разговору с сотрудником полиции и репетировала роль потерпевшей. Мужчина посматривал на пустые столы тем взглядом, который появляется у посетителей присутственных мест, когда их футболят из одного кабинета в другой. Примерно после четвертого кабинета такой взгляд появляется даже у самого терпеливого соискателя.

В комнату заскочил молодой румяный коллега Максимыча. Он проявил к нам умеренный интерес, но все же спросил, кого мы тут дожидаемся. Женщина с носовым платком желала видеть некоего Олега Григорьевича, мужчина с пронзительным взглядом хотел пообщаться с Максимом Максимовичем. Женщине повезло первой, в комнату вошел некрупный полицейский, на вид едва вышедший из подросткового возраста. Мужчина вскинулся было, но я остудила его пыл:

– Это не Максим Максимович.

Полицейский подтвердил, что он не Максимыч, а Олег Григорьевич, а Максимыч сейчас придет, его начальство задержало. Олег Григорьевич сел за свой стол, достал кипу бумажек и начал их просматривать. Женщина с носовым плат-

ком в руках подсела к нему, завязался оживленный разговор. Олег Григорьевич убеждал ее написать какое-то заявление, женщина возражала, дескать, она все уже писала. Олег Григорьевич в ответ заметил, что написала она кратко, а теперь, чтобы продолжить работу, требуется подробный рассказ, кто, где, когда и по какому поводу ей угрожал… Я заинтересовалась, но тут появился Максим Максимыч. Я выложила свидетельство о рождении Сережи Федосеева, обратила его внимание, что из родителей есть только мама. Максимыч внимательно прочел все, что было написано в свидетельстве, а потом на голубом глазу спросил, что я хочу от него. Я офигела, но не настолько, чтобы забыть о цели своего визита.

– Я бы хотела, чтобы вы, ну, не вы лично, а ваше ведомство, выяснило, где проживает Федосеева Юлия Вячеславовна. Нужно сообщить ей, что человек, на которого она сбросила своего сына, сейчас не в состоянии выполнять обязанности опекуна.

– Но ведь вы пока там живете, – по форме это был вопрос, по интонациям – скорее утверждение.

– Я не могу там жить все время, – возразила я, – у меня работа, свой дом, своя жизнь, наконец…

– Ну, хорошо, – слегка смягчился Максимыч, – я отксерокопирую свидетельство, мы пошлем запрос.

– Сколько времени это займет? – нетактично поинтересовалась я.

– Что, – прищурился Максимыч, – не нравится вам подругу в тяжелой ситуации выручать?

Я разозлилась:

– Нравится, не нравится, но я это делаю. Если Вы намекаете, что я не мать Тереза, так я и сама это знаю. Помочь готова, но в разумных пределах. Поэтому и спрашиваю, чтобы организовать свою жизнь на ближайшее время…

– А вы что, планы на жизнь, что ли, пишете? – попытался съехидничать Максимыч.

– Представьте себе, пишу, – отпарировала я.

– Ладно, – Максимыч неохотно взял в руки свидетельство, еще раз внимательно изучил текст, как будто там волшебным образом могли появиться адрес и телефон Сережиной мамы, – как только что-нибудь выясним, я вам сразу позвоню.

После такой фразы человек воспитанный должен встать и уйти. Я продолжала сидеть как приклеенная, потому что не поверила Максимычу. Вряд ли он будет что-то выяснять, и уж точно не будет мне звонить. Понадеется, что мне надоест, и я сама отстану. Я, может, и отстала бы, если бы сложившаяся ситуация не усложняла мою жизнь. Максим Максимыч, чтобы ускорить мое отбытие, переключился на мужчину с пронзительным взглядом. Между ними состоялся следующий диалог:

– Я вас вызывал? – спросил Максимыч, пытаясь придать лицу заинтересованное выражение, и начисто игнорируя меня.

– Нет, – ядовито и недружелюбно ответил мужчина.

Максимыч слегка опешил, на секунду задумался и полуутвердительно, полувопросительно произнес:

– Я вас приглашал?

Взгляд мужчины стал еще более пронзительным, он поджал губы и почти торжественно произнес:

– Нет, вы меня не приглашали!

Тут Максимыч реально растерялся:

– Вы вообще ко мне? Как ваша фамилия?

– Совков, – гордо ответил мужчина.

Видимо, о Совковых Максимыч что-то слышал, потому что немедленно уточнил:

– Вы старший или младший?

– Я, вообще-то, потерпевший, – ответил мужчина и с жаром продолжил, – безобразие какое… Меня футболят из кабинета в кабинет. А ведь и так сразу понятно, что он вынес мой пакет вместе с мешками с мусором. И говорил, что вынес случайно, а потом выяснилось, что все было не случайно…

Максимыч кивнул, показывая тем самым, что сочувствует, и вновь повернулся ко мне.

– А вы что сидите, Ирина?

– Да вот, думаю, надо бы мою просьбу оформить заявлением, – искренне ответила я.

Ему это не понравилось, но возражений по существу у него не оказалось. Я быстро настрочила заявление, прямо

там же сделала 3 ксерокопии, свидетельство о рождении я тоже отксерила. Одну копию заявления и свидетельства оставила Максимычу. Хотела еще попросить его расписаться на второй, но передумала. Разозлится и положит дело в долгий ящик.

– До свидания, – бодро попрощалась я, встала со стула и, уже на ходу, пообещала, – я вам позвоню на следующей неделе.

– Звоните, – удрученно ответил Максимыч.

Он почти уже не слушал меня, так как на мое место приземлился потерпевший Совков.

– Так как все произошло?

– Я оставил пакет…

Я не стала второй раз выслушивать трагедию Совкова, времени было в обрез, через полчаса, максимум через сорок пять минут нужно забрать из садика Сережу. Хорошо, что у меня остались неиспользованные дни отпуска. В крайнем случае, могу взять еще неделю, но дальше – труба. Три недели на поиски Сережиной и Ксениной родни. Даже меньше, – дней десять – пятнадцать. Нужно, чтобы та родня еще приехала. Учитывая энтузиазм Максима Максимыча и его коллег, в десять дней они не уложатся. Придется самой приложить какие-то усилия. В конце концов, я – самое заинтересованное лицо. С этими невеселыми мыслями я добралась до детского садика, забрала Сережу, и мы потопали домой той же дорогой, что и вчера. Тайна «черного человека» бы-

ла удачно раскрыта сегодня утром, никакой реальной опасности он не представлял, но нарываться еще раз на эротический моноспектакль не хотелось.

Мы заглянули в супермаркет, купить что-нибудь к ужину. Район, в котором живет Ксения, густозаселенный, торговых точек здесь немного, поэтому супермаркет олицетворяет некое средоточие культурной жизни. В час вечернего наплыва покупателей часть касс не работала, а в те, что работали, змеились длинные очереди. На покупку двух пакетов молока, хлеба и четырех творожных сырков мы потратили почти час. Когда мы заходили в магазин, только начинало темнеть, сейчас же впору было затянуть «слети к нам, тихий вечер, на мирные поля…». Памятуя, что детей нужно максимально привлекать к домашним делам, я вручила Сереже пакет с хлебом и сырками.

Пока мы неспешно шли до подъезда, у меня возникла иррациональная, ни на чем не основанная надежда, что около дверей Ксенькиной квартиры стоит ее родственница Юлия, мама Сережи, каким-то чудом узнавшая о несчастье. Я так уверовала в это, что была крайне разочарована, не обнаружив никого на площадке перед лифтом. Однако ж, хотя в данную минуту никого не было, кто-то все же побывал здесь днем, оставив на память о себе изрядное количество земли. Похоже, Ксения не ладит с кем-то из соседей. На мотив для покушения на убийство не тянет, но налицо мелкое пакостничество. Особо не рассчитывая на успех, я спросила у Се-

режи:

– А вы с кем-нибудь из соседей общаетесь? За солью, сахаром никто к вам не заходил?

Он немного подумал, потом покрутил головой. Впрочем, я и не надеялась, что он мне выдаст нужную информацию с указанием номера квартиры.

– Что ж, – философски заметила я, – придется опять подметать.

Я вставила ключ в замочную скважину, и тут мне пришла в голову еще одна версия:

– На вашем этаже никто собаку не держит?

Сережа опять помотал головой. И эта версия тупиковая.

Как бы вычислить гада, который мусорит у меня под дверью. Я задумалась, и тут мы услышали, как в квартире зазвонил телефон. Боже мой, наверное, это Максим Максимыч… Или, того лучше, это мама Сережи! Скорее, скорее к телефону!

Конечно же, ключ никак не хотел поворачиваться, конечно же, когда мы, поборов замок, ворвались в квартиру, оказалось, что трубку не положили на базу, и она может валяться где угодно. Мы метались по коридору, а телефон звонил, звонил, звонил, и было совершенно непонятно, откуда раздается сигнал. Я рванула в Ксенькину комнату, так и есть, телефон лежал там, где я вчера его оставила, на полу около кровати. Я схватила трубку, моля бога, чтобы респондент проявил еще немного терпения.

– Алло, алло, я вас слушаю…

Я надеялась, что это Максим Максимыч с новостями о Сережиной маме. С положительными новостями, разумеется. Увы, в трубке зазвучал женский голос.

– Ирочка, это вы?

Я не смогла определить обладательницу голоса, но, на всякий случай, подтвердила, что, да, Ирочка – это я.

– Это Людмила Станиславовна, – доверительно представилась моя собеседница, – Ксенечкина коллега.

– Да, да, помню, – ответила я.

Видимо, Людмила Станиславовна уловила в моем голосе разочарование, потому что заговорила быстро, словно боясь, что я повешу трубку.

– Ирочка, извините, что так поздно звоню. Я набирала, набирала вас весь вечер, никого дома не было. Я вот по какому поводу… Тут Ксенечке деньги причитаются, зарплата. Надо бы забрать, не лишние ведь будут. Можете подъехать к нам завтра? Или хотите, я подвезу.

– Спасибо, – вежливо ответила я, – я завтра подъеду сама. Адрес диктуйте.

Людмила Станиславовна явно была огорчена тем, что я собираюсь подъехать сама.

– Да зачем же вам беспокоиться? – попыталась она отговорить меня. – Я сама могу подвезти…

Мне совсем не понравилась ее настырность, но вслух я произнесла следующее:

– Не нужно. Спасибо, но Ксения живет в спальном районе, а ваш… – тут я замялась, не зная, как правильно назвать их контору. – Ваш офис, я полагаю, в центре?

Станиславовна, нехотя, подтвердила, что, да, офис в центре.

– Завтра я как раз в тех краях буду, заодно и забегу, – пообещала я и закончила разговор.

Глава XII

На самом деле никаких особых дел в центре у меня не было. И, наверное, было бы разумно, чтобы деньги привезла Людмила Станиславовна, но… Были две причины, по которым я хотела сделать это сама. Во-первых, любопытно было взглянуть на место Ксенькиной работы. Я никогда в жизни не пользовалась услугами подобных салонов, но зато часто видела их рекламу в различных газетах и даже в некоторых журналах. Это была рациональная причина – удовлетворить свое любопытство. Вторая же причина заключалась в том, что Людмила Станиславовна мне не понравилась, и мне не хотелось видеть ее в Ксенькиной квартире. Вроде как и разговаривала она со мной вежливо, и услугу даже оказать хочет, а вот не нравится она мне, не нравится, и все тут. Не могу объяснить почему.

Я вытащила из сумки листок, где был записан адрес, сверилась с ним и бодро зашагала по одному из переулков в районе Большой и Малой Бронных улиц.

Ксенькина работа – салон «Настоящей практической магии» располагался на третьем этаже старинного четырехэтажного дома без лифта. На каждой лестничной клетке когда-то было по две квартиры, сейчас в каждой сидела какая-нибудь контора. На первом туристическое агентство и филиал страховой компании, на втором чем-то торгующее

ЗАО и нотариус, искомый салон оккультных услуг занимал обе квартиры на третьем этаже, о чем оповещали совершенно одинаковые таблички на каждой из дверей. Видимо, это вводило в заблуждение потенциальных потребителей услуг салона, поэтому на правой двери, около кнопки звонка была прилеплена бумажка с надписью «звонить здесь». Я нажала на кнопку. Минуты две никто не открывал, сотрудники салона не горели желанием приобрести новых перспективных клиентов. Я уже стала высматривать, нет ли где листка с указанием часов работы, как вдруг дверь неожиданно и бесшумно распахнулась, я с интересом уставилась на возникшую на пороге Ксенькину коллегу.

Сотрудница салона «Настоящей практической магии» оказалась женщиной средних лет, навскидку – крепко за пятьдесят, ближе к шестидесяти. У нее были седые курчавые волосы, бледное лицо и голубые глаза навыкате. Такие глаза бывают у людей с больной щитовидкой. Внешность и солидный возраст сотрудницы вряд ли могли поспособствовать привлечению в салон клиентов мужского пола, зато для увлеченных оккультными вопросами дам это было самое оно.

Дама внимательно и строго посмотрела на меня, сообщила, что прием у них идет строго по записи, и тут же поинтересовалась, записывалась ли я.

– Я не на прием, – огорчила я Ксенькину коллегу, – мне нужна Людмила Станиславовна.

Дама старательно изобразила на лице радость:

– Вы, должно быть, Ирочка будете… – нараспев проговорила она и сделала шаг назад, – проходите, проходите, я вас давно жду.

Я замешкалась, Людмила Станиславовна сладко улыбнулась:

– Ну, что же вы не заходите, Ирочка?

От такой фамильярности меня покоробило. Терпеть не могу теток, которые считают, что раз они прожили на этой земле достаточно долго, у них есть индульгенция на фамильярность. Если бы деньги, которые мне предстояло забрать у Станиславовны, были мои, я бы плюнула, развернулась и уехала. Но деньги были не мои, а Ксенькины, ей в нынешней ситуации они очень нужны. С полминуты я колебалась, после чего решительно переступила через порог.

До сегодняшнего дня мне не доводилось бывать в подобных заведениях, поэтому я с интересом огляделась вокруг. Обстановка была неоригинальной. Немаркого цвета обои (то ли серые, то ли коричневатые, трудно разобрать при таком плохом освещении), везде, куда ни брось взгляд, иконы. Перед теми, что размером побольше, дымятся лампадки. И еще – свечи, понатыканы на всех свободных поверхностях, все зажжены, и все коптят, пахнет странно, наверное, ладаном.

Некоторым диссонансом смотрелась современная стойка ресепшн с маленьким кассовым аппаратом. Смешно, неужели они тут чеки выдают за полученные услуги? Может, еще и счета выписывают… Забавно было бы взглянуть на такой

счет: снятие порчи – одна штука. Определение и снятие венца безбрачия. Интересно, это одна или две услуги? Устранение соперницы, ну, с этим более-менее понятно. Интересно, прейскурант у них есть. По идее, должен быть…

Мое любопытство было удовлетворено почти немедленно. Откуда-то из боковой двери выскользнула невысокая востроносая женщина, одетая в черное. Следом за ней вышла заплаканная гражданка средних лет. Гражданка сжимала в руках бумажный носовой платок, периодически вытирая им нос.

– Людмила Станиславовна, – защебетала востроносая сотрудница, – посчитайте, пожалуйста. Один диск для очищения квартиры, пять свечек и приворот.

Станиславовна достала листок бумаги, сверилась с ним и бодро застучала по кнопкам кассового аппарата.

– С вас, – обратилась она к зареванной гражданке, – пять тысяч четыреста рублей. Если можно, без сдачи, пожалуйста.

Женщина кивнула и полезла в сумочку. Востроносая тем временем обратила внимание на меня, посчитав, видимо, за очередного клиента:

– Вы на какое время записаны? Сглаз, порча?

– Это ко мне, – пояснила Людмила Станиславовна, пересчитывая полученные от заплаканной гражданки деньги, – Ксенечкина подружка, приехала за ее зарплатой.

– А! – разочарованно произнесла востроносая и тут же потеряла ко мне интерес.

Людмила Станиславовна торжественно выдала посетительнице компакт диск, на обложке которого была фотография мужчины в длинном белом одеянии, лицо мужчины было напряженным, как если бы он сидел на унитазе, страдая запором, руки вытянуты вперед, мужчина «делал пассы», отгоняя злые силы.

– Вам Марианна объяснила, как этим пользоваться? – спросила Людмила Станиславовна.

Женщина кивнула.

– И обязательно зажгите все свечи перед тем, как будете ставить диск. Это усилит эффект очищения в несколько раз.

Я восхитилась, – всю эту чушь Станиславовна произнесла с абсолютно серьезным лицом. Женщина еще раз кивнула, положила приобретенные товары в сумку, попрощалась и пошла к выходу.

– Через неделю ждем вас снова, – крикнула ей в спину Людмила Станиславовна.

Посетительница ушла, мы остались вдвоем. Людмила Станиславовна опять заулыбалась, а я вдруг поняла, как сильно она мне не нравится. В животе начал привычно сворачиваться «гневный шар протеста». Станиславовна, похоже, ничего подобного в отношении меня не испытывала. Приятно улыбаясь, она попыталась завязать светскую беседу.

– Работы очень много…

– Да? – вежливо отметилась я.

Мы помолчали, после чего я сухо поинтересовалась:

– Так сколько там Ксении причитается?

Станиславовна, продолжая улыбаться и не сводя с меня выпученных глаз, выдвинула ящик стола и достала ведомость.

– Вот, Ксенечка в этом месяце отработала десять дней, – она произнесла это, не заглядывая в ведомость, – так что получите пятнадцать тысяч.

Я взяла деньги:

– Где-то нужно расписаться?

– Да, вот здесь, напротив Ксенечкиной фамилии, – Людмила Станиславовна продолжала изучать мое лицо с любопытством ученого, заглянувшего в микроскоп и открывшего новый вид бактерий. Свой интерес ко мне она не озвучила, зато спросила, не собираюсь ли я в ближайшее время навестить Ксенечку. В ее голосе звучало плохо скрываемое любопытство. Будь ее воля, она бы уже ломанулась к Ксении в больницу, уболтала бы медсестер, проникла бы в палату, а вечером подробно обсудила все с соседками по подъезду. Знаю я этих тетушек доброжелательниц. Сочувствие у них, как правило, напускное, их привлекает чужое горе, они от него заряжаются…

– Не собираюсь, – грубо, чтобы прервать дальнейшие расспросы, ответила я, – она в реанимации, к ней все равно не пускают, даже если я встану под окнами, Ксении от этого ни горячо ни холодно.

– Надо же, какая вы нечуткая, оказывается, – деланно удивилась Людмила Станиславовна, и, скорбно поджав губы, добавила, – а я то думала, что вы лучшая подруга Ксении…

Так мы и стояли: начинающая закипать я и Людмила Станиславовна – живое воплощение мировой скорби. Через минуту мое терпение лопнуло. Мало того, что эта чума болотная настырно лезет в дела и отношения, которые ее никаким боком не касаются, так она еще навешивает ярлыки. Гневный шар рвался наружу, я перестала сдерживаться и мысленно швырнула его в лоб собеседницы, как раз между выпученными рыбьими глазами. Людмила Станиславовна охнула, перестала улыбаться, отчего лицо ее приняло хищное выражение. Она по-прежнему напоминала рыбу, только теперь рыбу хищную – барракуду.

– Я чувствовала, что вы Ксении не подруга, – злобно прошипела она, – давно чувствовала, и ей сколько раз говорила. Она не верила мне… Теперь-то я вижу, что не ошиблась!

– До свидания, спасибо за заботу о Ксении. Как только она поправится, она сразу позвонит, – скороговоркой произнесла я и повернулась, чтобы уйти.

Станиславовна начала что-то бормотать себе под нос, очень тихо, но в комнате кроме нас никого не было, поэтому до меня долетело слово «нахалка».

– До сви-да-ни-я, – отчетливо произнесла я, не оборачиваясь, и толкнула дверь.

Последние слова, услышанные мной, когда я уже сбегала

по лестнице, были «до скорой встречи».

После душной, пропахшей ладаном, атмосферы Центра «настоящей практической магии» загазованный воздух Большой Бронной улицы показался мне необычайно свежим. Я жадно сделала несколько глубоких вдохов, что в большом городе делать не рекомендуется.

Какая противная тетка. Теперь понятно, почему Ксения вела себя так странно в последнее время. Наверняка эта Людмила Станиславовна ей весь мозг вынесла. Небось, говорила, что порча на Ксеньке, что напускает эту порчу лучшая подруга. Что ж, нормальный цыганский репертуар. Жаль, конечно, что Ксения на это повелась. Надеюсь, после больницы она придет в норму, хотя эта старая чума вполне может ей внушить, что и в больницу она из-за меня попала. Я перевела дух и попыталась найти позитив, – в конце концов, больше я эту неприятную Людмилу Станиславовну никогда не увижу.

Я взглянула на часы, пора ехать домой. А куда? На квартиру Ксении или все же заскочить к себе? Домашних животных у меня нет, но есть цветы, которые не поливались уже два дня. Правда я, будучи человеком ленивым, выращиваю суккуленты, но даже им время от времени требуется полив. Нет, пожалуй, сегодня я к себе не успею, скоро забирать Сережу из садика.

К моему великому удивлению на лестничной клетке около лифта было чисто. Вчерашнюю землю я вынесла в пакете до мусорки. А тот нехороший человек, который завел привыч-

ку вытряхивать коврик или счищать грязь с ботинок около Ксенькиной двери, сегодня не успел это сделать.

На дисплее автоответчика мигала цифра четыре, стало быть, в мое отсутствие в квартиру Ксении звонили четыре раза. Два респондента не пожелали оставить сообщения, третий звонок оказался из больницы. Дежурная медсестра сообщила, что Ксения пришла в себя сегодня утром и, к большому удивлению врачей, в первую очередь спросила обо мне. Если я очень хочу, то могу подъехать, но мне стоит поторопиться, потому что к ней уже выехала полиция. Я поняла намек дежурной: после разговора с представителями власти Ксюха опять может впасть в кому. Я нажала на кнопку «детали», – из больницы звонили два часа назад. Черт, как же долго я, оказывается, проторчала в этом магическом центре. Я заметалась по квартире… Так, в больницу я не успеваю, точнее, – успеваю, но тогда не смогу забрать Сережу, времени практически не осталось. Господи, как же выкручиваются матери одиночки в таких форс-мажорных ситуациях? Наверное, положение может спасти звонок другу. Кого можно дернуть? Бубна? Это вряд ли, наш король российского креатива не будет отрывать задницу от кресла, чтобы забрать из детского садика незнакомого мальчика. Маринка? Вот Маринке можно позвонить, она не откажет. Я набрала ее номер, абонент был недоступен. Я позвонила в редакцию, где смешливая Маринкина коллега сказала, что она выехала на интервью, будет не скоро, и телефон у нее отключен. Она

всегда так делает, когда берет интервью. А если позвонить Андрею Горошко? В самом деле, почему бы и нет? Я, правда, не знаю, где он работает и работает ли вообще. Он тщательно это скрывает. Но попытка не пытка, все равно других вариантов нет. Я набрала номер Андрея, он ответил очень быстро. Когда я объяснила ситуацию, Горошко сказал, что нет проблем, он готов подъехать за Сережей, но отдадут ли ему мальчика. Я поинтересовалась, на какую фамилию сейчас у него паспорт, узнала, что он по-прежнему Вокенаар и возвращаться на свою «девичью» фамилию не собирается.

– Я предупрежу в садике, что за Сережей придет господин с такой редкой фамилией. В случае чего покажешь им паспорт.

Андрей не обиделся, сказал, что это не вопрос, и хорошо, что я об этом предупредила, он прямо сейчас положит паспорт во внутренний карман куртки. Итак, вопрос решился, теперь только надо забежать в детский сад, а потом сразу в больницу – навестить Ксюху.

Я выбежала из подъезда, на ходу застегивая куртку. Эх, а идти-то придется через парк. Если пойду окружным путем, я просто не успею.

По тропинке я шла очень быстро, стараясь не смотреть по сторонам, и все время повторяла как мантру «эксгибиционисты на людей не нападают», тип, который прятался в кустах, это не тот человек, который ударил Ксению чем-то тяжелым по голове. Вот и знакомый поворот, кусты. Всю дорогу до

поворота я предупреждала себя «не поворачивать голову в сторону кустов, не оборачиваться, не смотреть туда». Конечно же, я посмотрела, и, конечно же, он был там, неприятный, бледное лицо с какими-то размытыми чертами. Неприметный. Сними он свое черное пальто, и я вовек его не узнаю. Заметив, что я обернулась, он хмыкнул и привычным движением распахнул полы. Я прибавила шагу, а метров через пять перешла на бег, он засмеялся мне вслед, видимо, был доволен произведенным эффектом. Я разозлилась, но тут же решила, что фиг с ним, не стоит на это тратить свои нервы. Правда, странное время он выбрал для развлечения. С другой стороны, сегодня тепло, зачем уходить оттуда, где ты получаешь массу удовольствия. Странно здесь, скорее, другое, – никто из местных жителей не сообщил в полицию, и я не буду сообщать. В конце концов, я в этом районе, временно. Пусть сами разбираются со своими придурками.

Через десять минут я добежала до детского садика, вызвала женщину Зинаиду, сурово объявила ей, что за Сережей придет мистер Вокенаар и даже написала заявление на имя заведующей. Зинаида попыталась было протестовать, я резко ее обрубила, сказав, что еду на встречу с Максим Максимычем. Я соврала, но неожиданно это оказалось правдой.

Когда я подъехала в больницу, он был первым, кого я встретила на лестнице.

– А вы куда? – живо заинтересовался Максимыч.

– Ксению навестить.

– А откуда вы знаете, что она пришла в себя?

– Не знаю я, – ответ прозвучал неубедительно, я это почувствовала и тут же добавила. – Просто надеялась… Приехала наудачу, а тут – на тебе, говорят, что ей стало лучше.

– Угу, – кивнул Максимыч, давая понять, что не верит мне.

– Она что-нибудь рассказала? – я попыталась сменить тему.

Максимыч надулся:

– В интересах следствия я не могу этого вам сообщить.

Я пожала плечами и, вежливо попрощавшись, пошла вверх по лестнице. Максимыч, явно собиравшийся уходить, спустился на пару ступенек вниз, после чего резко остановился и произнес:

– А знаете что… Пожалуй, я пойду с вами. В конце концов, ведь вы были последняя, кто видел Федосееву живой и здоровой.

– Не я, – столь наглое передергивание возмутило меня до крайности, поэтому я повторила еще раз, – не я. Последним, кто видел Ксению живой и здоровой, был тот человек, который ее ударил.

Максимыч недовольно поморщился, хотел возразить, но мы как раз дошли до Ксенькиной палаты. Я собралась постучать, мало ли, вдруг там врач или медсестра процедуры какие-нибудь делает, но Максимыч уверенной рукой взялся за ручку двери и мы вошли.

Мне раньше не доводилось видеть людей, которые только что вышли из комы. Разве что в кино. И там, даже если люди пролежали в коме очень долго, придя в себя, они находились в отличной физической форме, бодро вскакивали с кровати и тут же отправлялись мстить врагам, которые много лет назад довели их до состояния комы.

В отличие от кинематографических героев Ксения выглядела неважно. Есть такое расхожее выражение «краше в гроб кладут». Пожалуй, после работы умельцев из похоронного бюро среднестатистический покойник выглядит лучше, чем Ксения в данную минуту. Голова ее была туго обмотана бинтом. Бинт охватывал макушку и затылок, проходил под подбородком. Из рассказов медсестер я знала, что Ксению ударили тяжелым предметом по затылку, а когда она, потеряв сознание, упала, еще избили ногами. Правая щека у нее была залеплена пластырем, из-под которого торчала марля. Левая щека выглядела отекшей, на ней явственно проступал синяк. Глаза были закрыты, под ними фиолетовые синяки. Из носа Ксении торчала прозрачная трубочка, а откуда-то из-под одеяла змеился целый пук разноцветных проводов, присоединенных к стоящим рядом с кроватью аппаратам. На мониторе плясала веселенькая кривая зеленого цвета, показывала, как работает Ксенькино сердце. Медсестра, внимательно изучающая показания приборов, строго взглянула на нас с Максимычем.

– Сюда нельзя, – сказала она нам обоим, а потом уже от-

дельно Максимычу. – Вы уже с ней беседовали, больная устала, она не выдержит второго разговора.

Максимыч легонько толкнул меня вперед.

– Это ее лучшая подруга.

Медсестра нахмурилась, ей не понравилось, что мы с Максимычем не исчезли по первому ее требованию. А я не могла сказать, что мне звонили из больницы, и я знаю, что Ксения спрашивала про меня, ведь я солгала Максимычу на лестнице, притворилась, что заехала просто так, наудачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.